

18+

НОВЫЕ ОПАСНЫЕ ВИДЕНИЯ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

ПЕРЕВОД СЕРГЕЯ КАРПОВА

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЭДА ЭМШВИЛЛЕРА

46

ДЕРЗКИХ
ШЕДЕВРОВ
ОТ ТИТАНОВ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

Fanzon. Опасные видения. Главные антиутопии

Коллективный сборник
Новые опасные видения

«ЭКСМО»

1972

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коллективный сборник

Новые опасные видения / Коллективный сборник — «Эксмо», 1972 — (Fanzon. Опасные видения. Главные антиутопии)

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Лауреат премий «Хьюго» и «Локус». Вот все, что вам нужно знать о «Новых опасных видениях». Это книга-спутник, книга-спутник самой влиятельной антологии фантастики последних пятидесяти лет. Разумеется, вы слышали об «Опасных видениях». В этой книге собраны оригинальные произведения, написанные специально для нее сорока двумя совершенно особенными авторами — и ни один из них не участвовал ранее в «Опасных видениях». Разумеется, вы их помните и помните тот шум, который они произвели. В этой книге — сорок шесть произведений: от коротких рассказов объемом около тысячи слов до почти романов в сорок тысяч. И каждый текст создан без оглядки на ограничения и издательские условности, которые обычно сковывают научную фантастику. Разумеется, вы помните, каким откровением в этом смысле были «Опасные видения». В этой книге каждый текст сопровождается авторским послесловием, а также отдельным вступлением редактора. Разумеется, вы помните тот роскошный корпус дополнений, который сделал «Опасные видения» вехой жанра. Эта книга создавалась более трех лет. Все произведения собрал и отредактировал Харлан Эллисон. Разумеется, тот самый Харлан Эллисон. И... эта книга еще более поразительна, чем «Опасные видения». Она начинается там, где закончились «Опасные видения». И да — эта книга ЛУЧШЕ, чем «Опасные видения». Видения в ней более ОПАСНЫЕ. Это 46 видений Урсулы Ле Гуин, Рэя Брэдбери, Джина Вулфа, Курта Воннегута, Дина Кунца, Джеймса Типтри-младшего и многих других. «В его языке есть подлинная сила — он буквально рисует образы прямо у вас в голове». — Рональд Мур «Гипнотическая энергия блестящего рассказчика и ум, вмещающий целый склад культуры». — New York Review of Books «Самобытный и бесконечно ценный автор.

Льюис Кэрролл XX века». — Los Angeles Times «Эту книгу нужно купить немедленно — потому что она точно знает, как все кипит у вас внутри».
— Альгис Будрис «Характеристики — и даже сама научная фантастика — слишком узки, чтобы описать Харлана Эллисона. Лирик, сатирик, исследователь темных уголков психики, моралист, мастер мгновенной шутки, рассказчик чистого ужаса и черной комедии — он все это и гораздо больше».
— Washington Post «Неистово плодовитый и своенравный автор, для которого рассказы были почти священным призванием... Эллисон по праву стоит рядом с такими мастерами научной фантастики, как Рэй Брэдбери и Айзек Азимов». — New York Times «Эллисон привнес в научную фантастику подлинную литературную дерзость в эпоху, когда сам жанр сторонился любых разговоров об искусстве. Назвать его уникальным было бы банальностью — и он бы это возненавидел. Он был легендой». — NPR

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Коллективный сборник, 1972

© Эксмо, 1972

Содержание

Харлан Эллисон, WGA и я	7
Введение 1969 года[2]	9
Предисловие. Нападение новых мечтателей	12
Новые опасные видения	22
Предисловие «Переверточка зрения»	22
Переверточка зрения	24
Послесловие	27
Предисловие «Дзынь-ведьма!»	28
Дзынь-ведьма!	32
Послесловие	44
Предисловие «Слово „лес“ означает „мир“»	46
Слово «лес» означает «мир»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Харлан Эллисон

Новые опасные видения

© 1972 by Harlan Ellison, renewed 2000 by Harlan Ellison

© С. Карпов, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Посвящается Брайану и Лорейн Кирби

«...а с ребенком уже трое»¹

---

¹ Ставшая крылатой строчка из популярной песни 1927 года «My Blue Heaven».— *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

Харлан Эллисон, WGA и я Дэвид Э. Гудмен

Я писатель, в основном пишу телесценарии и провел семнадцать лет в правлении Гильдии сценаристов США (Writers Guild of America – WGA), четыре из них – в должности президента; и я могу с уверенностью сказать: все, что я знаю о WGA, я узнал от Харлана Эллисона.

Знаю, что я не единственный автор, для кого Эллисон стал неофициальным наставником в телесценаристике. Меня растила мать-одиночка, социальная работница, в пригороде Нью-Йорка, и я был далек от шоу-бизнеса. Слышал о профессии «телесценарист» только благодаря историям об уникальных победах и неудачах, которые Эллисон писал об этой области.

Я был фанатом «Стар Трека» – беззаветным, – и в связи с сериалом меня завораживала и ставила в тупик важная дихотомия, которую символизировал Эллисон: 1) он написал одну из самых знаменитых – и, возможно, лучшую – серий первого сериала, «Город на краю вечности», 2) ему не нравилось, какой она получилась.

В двенадцать лет для меня это была загадка. В голове не укладывалось, как это писателя не радует его имя на серии одного из моих любимых сериалов.

И тогда я решил разобраться. Купил оригинальный сценарий, в 1975 году доступный в антологии фантастики «Шесть научно-фантастических пьес» (*Six Science Fiction Plays*, ред. – Роджер Элвуд). Это не только первая телепьеса в моей жизни, но и первый сценарий в принципе. Хотя чтение так и не помогло ответить на вопрос, что же Эллисона не устраивало в результате (в двенадцать я еще не мог оценить тонкость оригинала), та книга все равно многому меня научила.

Для начала Эллисон написал для антологии предисловие с терминологией сценаристов; оттуда я впервые узнал, что сценаристы имеют в виду под «ТЗ», «ЗГ» и «ОТКРЫВАЮЩАЯ СЦЕНА».

Еще он упомянул, что первая версия сценария получила премию от некоей «Гильдии сценаристов». Для человека, который вдруг начал мечтать о том, чтобы стать сценаристом, участие в целой профессиональной организации звучало заманчиво.

Но самое важное, что писал Эллисон – и писал очень часто, – это насколько сценариста не уважают в Голливуде, насколько часто всю славу за сериал забирают другие люди, хотя без сценариста, если включить телевизор, увидишь только настроенную таблицу или в лучшем случае «Запись органной музыки». Так я познакомился не только с ремеслом телесценариста, но и с его часто непризнанной важностью для формата.

В те годы у Эллисона всегда было что почитать о работе на телевидении – в его интервью или текстах. Я узнал, что некоторые сценаристы из-за больших изменений в их произведениях берут одобренный WGA псевдоним. (Узнал я об этом в четырнадцать, а когда подрос, уже понял, почему он снял свое имя с эпизода сериальной версии «Бегства Логана».)

Еще он рассказывал о неуважении руководства студий и телеканалов к сценаристам. Моя любимая история – хоть я и не помню источник, – такая: босс из ABC сказал Эллисону что-то изменить, а Эллисон отказался. Тогда босс сказал: «Ты всего лишь сценарист, что сказали, то и делай», – и тогда Эллисон швырнул стул в окно кабинета на двенадцатом этаже. Говорят, ответ Эллисона тогда был следующий: «Хорошая зуботычина решает любой спор». Какое-то время мне это даже казалось нормой – если я стану сценаристом, наверняка придется часто драться, что меня беспокоило, но не останавливало.

Не считая очевидной потребности в драках, благодаря Эллисону я узнал и о денежной ценности творчества. Тогда я только-только окончил колледж, когда услышал о том, как он грозился иском, за что получил возмещение и упоминание в титрах «Терминатора». Я сделал простой вывод, о котором раньше почему-то никогда не задумывался: идеи тоже стоят денег.

Вскоре после этого я сам начал работать в Голливуде и увидел, что там многие слишком уж легко забывают: идеи – не общие, их придумал *кто-то*. Но компаниям больше нравится получать их бесплатно – а многим авторам просто не хочется тратить силы и сражаться за них.

Эллисона такое отношение возмущало, и я, вступив в WGA в 1988 году, сразу узнал о его весе в профсоюзе. Он был страстным защитником прав сценаристов, всегда участвовал в битвах за сценаристов. Многолетний руководитель профсоюза (и сценарист «Челюстей») Карл Готтлиб рассказывал, что Эллисон «никогда не миндальничал, если шла речь о неудобной истине». И при этом он критиковал не только компании, которым хотелось, чтобы сценаристы работали бесплатно; он сетовал и на сценаристов, которые сами не требуют того, что им причитается.

В начале 1988-го назревала большая борьба, но отдельная группировка в WGA, называвшая себя «Юнион Блюз», выступила против забастовки. Эллисон, понимая, что забастовка (или ее реальная угроза) – это основной рычаг давления, не смолчал. На съезде в «Голливуд Палладиум» он выступил против главы этой группировки, и тот, несмотря на свой внушительный рост, внезапно обнаружил, что его вызывают на драку. Дело даже дошло до кулаков, их пришлось разнимать. Услышав об этом, я уж начал прицениваться к боксерским курсам.

Его борьба за права рабочих основывалась на понимании, что профсоюз – это коллектив авторов, и их он мерил по своей высокой мерке. Эллисон даже в 2009-м судился с «Парамаунт» за роялти от мерчендайза по его серии в «Стар Треке» – и при этом одновременно судился с WGA, считая, что профсоюз борется за него недостаточно активно. О том иске Эллисон высказался так: «Речь не о „принципах“, друг, а о ДЕНЬГАХ! Давайте платите!» (Хотя в случае с иском к WGA речь шла как раз о принципах – там он судился за один доллар.)

Оглядываясь на все это, я вижу, насколько обязан человеку, с которым никогда не встречался. Благодаря ему я узнал, как важна Гильдия, что нужно бороться, когда другого выхода нет; хоть я так и не пошел на боксерские курсы, я не раз вел битвы не только за деньги, но и за уважение к сценаристам.

И вышло так, что в конце концов я понял эллисоновскую обиду из-за «Города на краю вечности», потому что теперь мое имя тоже стоит на переделанной серии «Стар Трека», и я считаю ее отвратной.

Введение 1969 года² Харлан Эллисон

В ноябре 1967-го во всем мире фантастики прочитали вводное слово, которое я написал в январе того года для «Опасных видений». В январе того года, сидя в квартире Терри Карра в Бруклин-Хайтсе, пока на меня давили сроки, я начал общее предисловие к книге, которую собирал два года:

«Вы держите в руках не просто книгу. Если нам повезет, это революция».

Прошло полтора года. На 12 марта 1969-го «Опасные видения» продались тиражом свыше шестидесяти тысяч в общем издании и в издании книжных клубов, вместе взятых. Книга принесла многим авторам целый урожай «Хьюго» и «Небьюл» – и даже особое посвящение от 26-го Всемирного конвента научной фантастики. (А оно, на минуточку, гласит: «Харлану Эллисону, редактору „Опасных видений“, самой важной и скандальной фантастической книги 1967 года».)

Как вам такое, мечтатели мечты? Может, все-таки есть на свете Бог. Те тридцать пять писателей, художников и редакторов решили создать самую важную и скандальную книгу года – и чтоб мне провалиться, если им не удалось.

С другой стороны, если «Опасные видения» – это прорыв, почему столько людей ругают книгу? Почему библиотекари по всей стране отказываются ставить ее на полки? Почему бывшему редактору «Книжного клуба НФ» возвращают тысячи экземпляров вместе с возмущенными письмами от мамочек, вожатых, учителей и священников, требующих объяснить, почему эта гнилая книжонка вдруг загрязняет драгоценные телесные жидкости их дитяти? Откуда вдруг в жанре выросло контрреволюционное движение с неким Джоном Джереми Пирсом во главе, которое объявило «священную войну», чья цель – стереть с лица земли «Опасные видения» и подобные им книги? Почему критики поливают этот сборник грязью на симпозиумах от Беркли до Бронкса? Почему одна уважаемая критик взяла на себя право назвать «Опасные видения» библией некой, по ее мнению, «Новой Волны», а потом еще несколько страниц объясняла читателям, как эта «волна» отвратительна?

А с третьей стороны (у нас же тут мир научной фантастики, может быть столько сторон и измерений, сколько мы захотим), почему рецензент одной газеты говорит: «„Опасные видения“ находятся в числе лучших антологий в жанре за последнее десятилетие. И мне кажется, эту корону у них не заберут еще долго»? Почему почти каждый автор из книги говорит о своем участии с гордостью? Почему ваш скромный редактор получил больше трех тысяч писем, начиная с таких, от миссис С. Блитмон из Филадельфии:

Дорогой мистер Эллисон!

Когда я взяла вашу книгу «Опасные видения» в библиотеке и прочитала два предисловия, я решила, что это прекрасная книга. Словами не передать, как меня замутило после [и здесь она назвала два рассказа]. Вы говорите, ваша бабушка – еврейка (как и у меня), но мне в это не верится; да она наверняка из Вьетконга, иначе как бы вам пришли в голову такие мерзости. Стыд вам, стыд и позор! Научная фантастика должна быть красивой. А с вашим разумом (?) в пору чистить туалеты, и то я слишком великодушна. Искренне...

заканчивая такими, от Монти Дэвиса из Нью-Йорка:

Дорогой мистер Эллисон!

Ух ты!!! И еще много таких восклицаний, которые я оставляю вашему воображению и которые все должны донести мысль, что «Опасные видения» – это чертовски здоров-

² Предисловие к переизданию «Опасных видений» в трех томах в мягкой обложке.

ская книга. Если отложить вашу дурацкую мысль о «чем-то новом», то ваш зверь в зеленой обложке – это просто-таки самая дико увлекательная вещь, что я встречал за много месяцев. Для человека (вроде меня), который изголодался из-за дефицита литературной или интеллектуальной новизны в журналах и из-за мучительно малого числа новых читаемых книжек, это полный и тотальный взрыв мозга...

И так продолжалось, и не прекратилось даже сейчас, полтора года спустя. Этой книге посвящались целые выпуски фэнзинов; профессиональные редакторы буквально ссорятся со своими авторами из-за рассказов, слишком похожих на «Опасные видения»; всего один рассказ в сборнике менял целую карьеру Больших Писателей; какие-то карьеры воскрешались – а одна карьера была задушена в колыбели. Но перемены в фантастике, которые начались после выхода «Опасных видений», еще поразительнее.

Благодаря своей популярности и скандальности книга открыла двери для целой вереницы антологий «оригинальных» рассказов, в обход узколобости многих редакторов журналов. Серия Orbit Деймона Найта зародилась раньше «Опасных видений», но, думаю, он не распнет меня за посягательство на его лавры, если я скажу, что «Опасные видения» расширили рынок для его серии, просветили многих авторов и во многом смели преграды для необузданных текстов, которые теперь и он выпускает в своих антологиях. Новый сборник оригинальных рассказов Nova от Гарри Гаррисона следует по пути, проложенному «Опасными видениями». «Дальние пределы» (*The Farthest Reaches*) Джо Элдера и «Алхимия и академия» (*Alchemy and Academe*) Энн Маккефри – это еще две антологии «оригинальных» рассказов, которые без «Опасных видений» могли бы и провалиться.

Авансы, которые писатели теперь получают после первопроходческого успеха «Опасных видений» и в твердой, и в мягкой обложках, удвоились и утроились.

Но самое важное – мы получили-таки свою революцию. Сомневаетесь? Просто скажите «новая волна» Сэму Московичу³. Сомневаетесь? Просто предложите Фреду Полу сделать спецвыпуск *Galaxy* о Новой Волне. И посидите на панелях фантастических конвентов: там по-прежнему идут достойные и интересные дискуссии на тему «Красный сдвиг как основа НФ-рассказов об астрономии», но теперь – вдобавок – вы услышите лекции вроде «Научная фантастика как литература эволюции», «Как написать кинетический мультимедийный НФ-роман», «Символические параллели у Джеймса Джойса и Филипа Хосе Фармера», «Табу в журнальной научной фантастике». Все заговорили хором, и благодаря этому диалогу наше время стало самым интересным периодом в истории фантастики. Критики и академики обнаружили, что у низкой «народной литературы» есть обоснованные претензии на нечто большее; что люди, посвятившие свою жизнь подобным произведениям, ничем не хуже варваров, прославляемым в списке бестселлеров *NY Times*.

И хотя еще опасно делать выводы об эффекте «Опасных видений» на жанр в целом или о долговечности этого эффекта, можно высказаться о самом уже фуроре, который вызвала книга при выполнении своей задачи: крышесносный.

В этом кратком предисловии ко второму тому в данном переиздании «Опасных видений» в мягкой обложке мне хотелось обозначить, что случилось со времени выхода издания в твердой. В следующей части я расскажу о продолжении, которое сейчас находится в работе, и на скольких писателей из этой первой книги-триады повлияло то, что они сделали в «Опасных видениях».

Но прямо сейчас вас ждут двенадцать мужчин и женщин, которые – с богохульством, добротой или черным юмором, – посмели быть охваченными своими особыми опасными видениями. Этим невозможно не наслаждаться.

До встречи в следующем томе. Оставайтесь с нами.

---

³ Сэм Москович (1920–1997) – американский критик и историк фантастики.

*Харлан Эллисон
Лос-Анджелес
16 марта 1969 года*

Предисловие. Нападение новых мечтателей Харлан Эллисон

В 1844 году Дюма написал «Трех мушкетеров». По многочисленным просьбам общественности он написал два продолжения – «Двадцать лет спустя» в 1845-м и «Виконт де Бражелон» в 1848-м. Артуру Конану Дойлу набил оскомину Шерлок Холмс, и он закончил его карьеру криминолога (а также карьеру гениального преступника у профессора Мориарти) на прыжке в Рейхенбахский водопад в «Последнем деле». Публика не смирилась. Дойла прижали к стенке, и через три года он воскресил своего бессмертного сыщика в «Пустом доме». В 1959-м Эван С. Коннелл-младший написал «Миссис Бридж» (*Mrs. Bridge*) – и роман мгновенно стал современной классикой. Продолжить его невозможно, но имя тут же оказалось у всех на слуху – и в 1969-м мистер Коннелл написал «Мистера Бриджа» (*Mr. Bridge*). Авторы Капитана Америки под конец Второй мировой убили своего звездно-полосатого защитника демократии и американского образа жизни. В начале шестидесятых Подводник, Принц Нэмор из Атлантиды, нашел Кэпа идеально сохранившимся в куске льда и воскресил. Не раз страдал от вынужденных сиквелов Айзек Азимов. Никто не даст ему так просто перестать писать о докторе Сюзан Келвин и ее «Американских роботах и механических людях Инк.»; об Основании; об Элайдже Бейли и Р. Дэниэле Оливо. Аик сдался. Они уже зажили своей жизнью.

А я не хотел собирать очередные «Опасные видения».

Человек идет долиной смертной тени лишь раз, потому что любит острые ощущения или просто не узнает окрестности. Но, выбравшись, туда вернется лишь глупец. В ноябре 1965-го я приступил к тому, что считал интересным проектом, – к антологии новых рассказов области спекулятивной литературы, написанных в новом стиле. Четыре года с половиной, пятьдесят тысяч книг в твердой обложке и еще бог знает сколько в мягкой спустя «Опасные видения» стали вехой (хоть раз сбылась моя мечта эгоманьяка) – и каким-то волшебным образом, словно зажив своей жизнью, они потребовали создать продолжение, еще больше оригинала, и теперь я сижу тут в одиноком отчаянии, стараюсь уложиться в горящие сроки и пишу очередное Предисловие. Все мы приходим к единственному выводу: я невероятный идиот.

Дайте расскажу, как все случилось.

Нет, погодите. Дайте сначала расскажу, что сделали «Опасные видения» – кроме того, что продались тиражом больше любой другой НФ-антологии на недавней памяти.

Сначала премии.

В 1967-м «Побросаю-ка я кости» Фрица Лейбера и «Да, и Гоморра» Чипа Дилэни получили премии «Небьюла» Американской ассоциации писателей-фантастов в категориях «лучшая короткая повесть» и «лучший рассказ» соответственно – между прочим, обойдя в обеих категориях номинированные произведения вашего покорного слуги. (Редкий человек так охотно помогал собственным палачам.)

На 26-м Всемирном конвенте научной фантастики в Окленде, в 1968-м, Филип Хосе Фармер получил, наряду с другим автором, «Хьюго» в категории «лучшая повесть» за своих «Наездников пурпурных пособий» из «Опасных видений» (для пуристов уточняю: вместе с ним премию получила Энн Маккефри за «Поиск Вейра»); а Фриц с его «Побросаю-ка я кости» урвал «Хьюго» за «лучшую короткую повесть». (Я в том году сам получил две «Хьюго» и поэтому не вижу причин жаловаться или обижаться.)

И на Оклендском конвенте мне вручили почетную грамоту за составление «самой важной и скандальной НФ-книги 1967 года».

«Опасные видения» попали в список лучших изданий в мягкой обложке 1969-го по версии BOOK WORLD. Их переиздание от «Книжного клуба НФ» вышло тиражом свыше 45 тысяч. Литературная гильдия предлагала их для подписчиков в качестве бонуса. У книги были

– или скоро будут – издания или переводы в Великобритании, Германии, Японии, Испании, Италии и Франции. Они практически единолично зародили контрреволюционное движение в жанре под названием «Второе Основание», посвященное уничтожению всего, что символизируют «Опасные видения». Что бы это ни было.

Лично я получил больше двух тысяч писем от читателей, начиная с телеграммы от влиятельного нью-йоркского редактора, который сказал: «Поздравляю в день публикации самой важной книги десятилетия», и заканчивая письмом миссис С. Блитмон из Филадельфии, которая среди прочего написала: «Когда я взяла вашу книгу „Опасные видения“ в библиотеке и прочитала два предисловия, я решила, что это прекрасная книга. Словами не передать, как меня замутило после [и она назвала два рассказа, в том числе мой]. Вы говорите, ваша бабушка – еврейка (как и у меня), но мне в это не верится; да она наверняка из Вьетконга, иначе как бы вам пришли в голову такие мерзости. Стыд вам, стыд и позор! Научная фантастика должна быть красивой. А с вашим разумом (?) впору чистить туалеты, и то я слишком великодушна. Искренне...»

Попробуй угодить всем.

В основном люди поражались и наслаждались. Мужчины и женщины, приславшие тридцать три оригинальных рассказа для «Опасных видений», зашли туда, куда еще не ступала нога писателя, и вернулись, нашептывая о разных новых завтрашних днях – причем часто такими способами, которые ранее в спекулятивной литературе не мыслились возможными. Многие говорили, что моя цель – издавать рассказы, не издаваемые в коммерческих журналах из-за табу и редакторских ограничений, – выполнена только наполовину. Другие говорили, что только семьдесят процентов рассказов действительно первоклассные. Третьи – что шестьдесят два, а в одном фэнзине выявили только 12-процентную чистоту. И все-таки, несмотря на все стенания и нытье, книга каким-то образом умудрилась продаться, как лед в Рио, умудрилась перевернуть весь наш жанр с ног на голову и изменить его направление, умудрилась раздуть гордость авторов, которые появились в книге, ставшей, как я уже говорил, вехой. Спросите кого угодно.

Но когда улеглась пыль, у меня осталось на тысячу восемьсот долларов меньше, чем было.

Хотя смею заверить – не из-за скупости *Doubleday*, нашего издателя. А строго из-за моего завышенного мнения, будто книга все еще не такая уж большая, не такая уж изумительная, не такая уж новаторская. Так что я тратился и тратился. И, как я уже сказал, когда улеглась пыль, я остался на мели. До сих пор не вышел в плюс и все еще возвращаю долг автору Ларри Нивену, оплатившему последние рассказы. Не суть. Я все равно горжусь, что составил такую книгу.

Только один автор публично признался, что его огорчило участие в проекте. Я узнал о его недовольстве совсем недавно и, рискуя рассердить автора и его агента, просто-таки *обязан* поведать эту историю.

Дж. Г. Баллард – бесспорно, один из самых новаторских и серьезных авторов в спекулятивной литературе, – сказал в интервью, будто считает «Опасные видения» лицемерными, потому что я просил авторов присылать рассказы, не публикуемые на традиционных рынках из-за сомнительного содержания или стиля, но при этом сам отверг «Убийство Джона Фицджеральда Кеннеди, рассмотренное как автогонка с горы».

В интервью журналу *Cypher* приводилась цитата Джима Балларда о том, что я не взял рассказ – якобы написанный специально для «Опасных видений» – на том основании, что он бы оскорбил американских читателей.

Когда я прочитал интервью, у меня сердце ушло в пятки от ужаса... потому что я в жизни *не видел* этого рассказа. Баллард действительно написал его для книги, но его же агент в Нью-Йорке, вместо того чтобы переслать его мне в Лос-Анджелес, за меня решил, будто рассказ оскорбителен, и убрал его в долгий ящик до времени, когда получится вернуть его Балларду. Я до сих пор не знаю, объяснили Балларду или нет, что отказал не я. Впоследствии рассказ

выпустил Майкл Муркок в своем *New Worlds* в Англии – и его тут же оценили заслуженно высоко.

Этот рассказ, один из самых интересных и противоречивых в жанре на недавней памяти, идеально подходил для «Опасных видений», и, узнав, что я остался без него из-за совершенно необоснованного решения агента, я скрежетал зубами от досады. Но чтобы меня вдобавок обвинили в лицемерии – это уже слишком. Рассказ Джима Балларда «Узнавание» в «Опасных видениях» – это хорошее и похвальное фэнтези, но просто и близко не в том часовом поясе, что «Автогонка с горы» – один из главных рассказов прошедшего десятилетия.

Когда мы встретились с Джимом Баллардом – в Рио-де-Жанейро в марте 1969-го, – мы все обсудили и, как мне казалось, закрыли вопрос взаимными соболезнованиями. А потом вышла та цитата в *Cypher*. И хоть я написал ему с напоминанием об обстоятельствах «получения» рассказа, ответа не было. Так что если кто из вас встретится с Дж. Г. Баллардом, можете ему рассказать, что случилось? А то было бы неприятно, если бы он – или кто угодно из вас – жил дальше с мыслью, будто мне хватило дурости отказать такому блестящему и примечательному произведению.

Я известен своей глупостью, но все-таки отрицаю обвинения в откровенной травме мозга.

А раз уж заговорили о моей глупости, должен признаться в безосновательном отказе представить место в «Опасных видениях» Томасу Дишу, который в последние четыре года выбился в первый ряд фантастов. Из-за своей слепоты я отверг рассказ, который *должен был* пойти в книгу, и потом, узнав Тома получше, горько сожалел о своих предрассудках.

К счастью, Диш куда благороднее вашего пристыженного редактора, и он написал для *этого* тома рассказ еще лучше. В свое время мы дойдем и до него, но уже само упоминание об этом упущении приводит нас к следующей части предисловия:

А зачем нужен еще один сборник «Опасных видений»?

Ну, одна из причин – Диш. Другая – Пирс Энтони. А еще сорок авторов вдобавок закрывают вопрос бесповоротно.

И все равно, хоть и хватало авторов, не попавших в первые «Опасные видения», делать «Новые опасные видения» меня тащили буквально с криками. Сейчас я все расскажу.

После выхода «ОВ» (вы уж простите, что перехожу на аббревиатуры; книга и так длинная, больше 250 тысяч слов, без того, чтобы каждый раз писать «Опасные видения» полностью), в 1967-м, когда у редактора *Doubleday* Ларри Эшмида развеялись воспоминания о том, что за мука была составлять эту чертовщину, он посмотрел на результаты продаж, прибавил престиж, который книга принесла загибающейся империи *Doubleday*, и решил, что нужно продолжение.

Я джентльмен и потому не буду комментировать историю наследственного безумия в родословной Эшмидов – разве что упомяну, что Ларри чрезвычайно гордится своей тетушкой, имевшей, по слухам, личную жизнь, как у мегеры, и прадедушкой по отцовской линии, который продавал мороженое со вкусом арахисового масла и тунца на Гебридских островах.

Лично я тогда еще оправлялся после «ОВ» – физически и финансово. Как раз гремели горячие похвалы и горькие осуждения книги, так что я просто откинулся на спинку, дышал полной грудью и думал, как же хорошо, что все это закончилось. Было начало июня 1968-го.

Зазвонил телефон.

Эшмид.

– Привет, Харлан! – Так он всегда начинал разговоры со мной. Будто и правда рад со мной поговорить. Хитрый сукин сын.

– Привет, Ларри, – ответил я. – Что случилось? Как там очередная литературная катастрофа Аллена Друри?

– Разлетается как пирожки, – ответил он.

– Тебе должно быть стыдно брать деньги за такой мусор. Может, найдешь уже приличную работу – допинг скаковых лошадей или работорговля детьми?

– Мы еще печатаем Ирвинга Стоуна, Леона Юриса и Тейлор Колдуэлл. И любой зарабатывает за любые отдельно взятые пять минут больше, чем ты – за год.

– Могу только пожелать тебе нашествия мышей, саранчи, саламандр, Ирвинга Уоллеса, Жаклин Сюзанн и Гарольда Роббинса. И чтобы у тебя никогда не затачивались карандаши.– Я бы пожелал ему и Эрика Сигала, но кто знал об *этом* ужасе в 1968-м? У нас, евреев, тонкий вкус в проклятиях.

– Просто звоню, чтобы сказать, что мы прекращаем печатать «ОВ».

– Прекрасно, – сказал я. – Это самая продающаяся антология в истории НФ, сплошь положительные отзывы, ее уже изучают в колледжах – а вы прекращаете печатать. И какой корпоративный гений это придумал?

– Такова политика *Doubleday*.

– Так говорил и Адольф Эйхман. Курицу вы тоже жарите на боку?

– Хочешь сделать еще одни «Опасные видения»?

Я бросил трубку.

Он перезвонил.

– Нас разъединили.

– Не разъединили. Это я бросил трубку.

– А. Так я спросил: «Хочешь сделать еще одни „Опасные видения“?»

Я опять бросил трубку.

И он перезвонил опять, и не успел я сказать и слова, как он весьма истошно завопил:

– НЕ СМЕЙ БРОСАТЬ ТРУБКУ!

– Ладно, – сказал я, – не буду, а *ты* тогда не смей нецензурно выражаться по телефону.

У меня тонкая душевная конституция.

– Но почему *нет*? По-моему, это чудесная идея.

– Я сейчас опять брошу трубку.

– Ты только задумайся, на скольких писателей повлияла книга. Писателей, которым нужна такая возможность, писателей, которым нужно прорваться, писателей, которые хотят расправить крылья, писателей...

– Эшмид, завязывай. Все это говорил тебе я, когда уговаривал на «Опасные видения» в шестьдесят пятом.

– Знаю. Я читаю по твоей записке. Ты пропустил букву в «опередивших свое время».

– Изыди. Я навсегда уйду из редакции.

Но он не унимался. Лоренс Эшмид – человек очень настойчивый. Любой, кто публикует Азимова, *становится* настойчивым. И коматозным.

И я решил, что самый верный и быстрый способ его отпугнуть – потребовать в три раза больше денег, чем в *Doubleday* предлагали за фантастическую книжку. И я потребовал. (Нет, не скажу, сколько именно, отстаньте уже.)

– По рукам! – чирикнул Ларри. Он *всегда* чирикает, когда глотает канарейку.

Я тут же целиком и полностью погрузился в хандру герметичной безысходности.

– Ты победил, Эшмид, – процедил я, кусая подмышку. Я чувствовал себя сатиром, обреченным на ад ненасытных нимфоманок, причем у каждой – свой вид спирохеты или восточного грибка.

– Да ты просто вспомни, как не мог нарадоваться, что «ОВ» собрали столько премий, – сказал он. – Ты что, забыл, как радовался?

В моем мысленном проекторе тут же замелькали картинки. Я вспомнил почетные таблички «Небьюлы», которые нам с Ларри дали за призовые рассказы Лейбера и Дилэни. Снова увидел свое лицо. Радостным оно не выглядело. Оно выглядело так, будто я только что съел незрелую хурму. Оно выглядело так:

Джейк Кей Клейн

Я отмахнулся от жуткого образа себя (в смокинге злодейского миссионера и с нелепой структурой лица) и Эшмида (стильного, самодовольного, уже замышляющего для меня будущий ужас) и сказал:

– Ладно, я составлю еще один чертов том – *но в своем темпе. Поклянись* жизнями своих кошек, что не будешь *дергать* из-за сроков. Буду работать хоть десять лет, если захочу.

– Конечно, – ответил он. Голосом аспида.

28 июня 1968-го мы подписали договор, и я начал искать рукописи для книги, которую вы теперь держите в руках. Или поставили на живот. Или как угодно.

(Как реплика в сторону: я проследил, чтобы никакие издания «Новых опасных видений» от книжных клубов или в мягкой обложке не продавались без моего согласия, тем самым гарантируя, чтобы участвовавшие в книге авторы подольше получали роялти со стандартного издания, прежде чем нищebroды среди вас, дожидаящиеся скидок, получают свои уцененные инкарнации. Суть этого отступления в том, что те из вас, кто сейчас читает у друга через плечо, не скоро получат книжку по дешевке, поэтому лучше торопитесь покупать ее по полной цене. Или воруйте из магазинов. Авторы-то в любом случае получают полные роялти.)

Приступив к составлению, я обнаружил, что моя главная радость – это видеть истории новых авторов, которые только начали разминать свои литературные мускулы. И ненамного меньшая радость – видеть, как старшие писатели, уже заслужившие репутацию в узком направлении, пробуют что-то новое. Из-за «ОВ» разошлись слухи, что просьба действительно новаторской фантастики – не спасение несчастных авторов дыханием рот в рот. И писатели (несмотря на то, что случилось с Баллардом) откликнулись.

Как следствие, вторую книгу в трилогии «ОВ» я считаю куда более дерзкой и, ну, «опасной», чем первая. Лупофф, Энтони, Нельсон, Воннегут, О’Доннел, Бернотт, Парра и Типтри вытворяют такое, что, по-моему, было попросту невозможно до эпохи «Опасных видений».

Сам сейчас понимаю, как от этого несет самодовольством, и в фэнской прессе меня не раз распинали за то, как уверенно и нескончаемо я совершаю это преступление. Заранее знайте, что здесь нет ни на йоту оправдания, и позвольте поставить в известность всех, кто напишет рецензию или комментарий на *эти* «ОВ» – я повторю это вновь (повторяю с одышкой на бис), потому что, какие бы шишки ни сыпались на *меня*, это все-таки помогает остальным мужчинам и женщинам в книжке. Видите ли, меня вполне обоснованно можно назвать хранителем этой страны чудес. Моя обязанность – проследить, чтобы творчество каждого писателя в этой книге стало как можно известнее. Я принимаю вверенный мне долг с немалой благодарностью и нескрываемым намерением вышибать двери, греметь в барабаны, тормозить критиков и прожужжать все уши потенциальным читателям, пока они не закричат «ну ладно, ладно, *почитаю я...*», и тогда свой шанс получают как дебютанты вроде Эвелин Лиф, Кена Маккалоу и Джима Хэмисата, так и корифеи вроде Урсулы Ле Гуин, Бена Бовы и Тома Шерреда.

Пожалуй, это не очень-то прилично, но в мире, где Эвелин Лиф и Элу Парре приходится соревноваться с Жаклин Сюзанн и Эриком Сигелом, услуги пиар-коммандо могут прийтись весьма кстати.

Как моей матушке больно слышать, что меня зовут злодеем.

В предисловии «Опасных видений» говорилось, что эта книга (если повезет) станет застрельщицей революции в спекулятивной литературе. Уже одна эта фразочка вызвала стопки критики и искусственный скандал. И эта фраза породила другую: Новая Волна.

Стоит уделить пару слов и этой теме.

Мы, читатели и фантасты, – сообщество небольшое, но сплоченное. Мы сражаемся, любим, уважаем и ненавидим друг друга, как бывает в любой небольшой семье, и когда кому-то хватает наглости заявить, что в семье можно установить другие порядки, – ага, вот тут-то и начинаются обвинения, ехидство, удары в спину, раскаяние. Грозит опасность. Трубят трубы. Мчатся на выручку копейщики. Скачут драгуны. Летят вперед гусары. Все на защиту репутации Артура Ч. Кларка, и Хола Клемента, и Роберта Хайнлайна. Да бросьте! Это что, шутка? Неужели Норман Спинрад *угрожает* Айзеку Азимову? Джон Джереми Пирс и правда в это верит? Никто в здравом уме не говорил, будто «новая волна» – чем бы эта фигня ни была, – вытеснит из печати Мюррея Лейнстера, или Пола Андерсона, или Фрэнка Герберта. Вообще-то у Фрэнка еще будет рассказ в «Последних опасных видениях». (О них позже. Пока не будем отвлекаться от темы.) Пол сам побывал в первых «ОВ». Херня все это. (Упс. Ну все, прощай, сотня продаж книги в библиотеки. Что ж поделать.)

Новая Волна – это такой же миф, как Старая, если только мы не заявим, будто Новая Волна зародилась во времена Аристофана и достигла пика на, скажем, Рэндалле Гарретте.

Херня все это, детишки, и давайте больше об этом не будем.

«ОВ» и «НОВ» состоят почти из *сотни* Новых Волн, и каждая – это один писатель, и все идут своим путем – против течения. Хотите – верьте, хотите – нет, но мы семья бунтарей, гадов и птеродонтов, и я не вижу, чтобы хоть *кто-то* вытеснял Боба Хайнлайна, куда ему не хочется.

С этим все понятно? Надеюсь.

Едем дальше.

Даже невнимательные читатели серии «ОВ» заметят, что в этой книге никого из «ОВ» нет. Как не найти никого из «ОВ» или «НОВ» в заключительной книге трилогии – «Последних опасных видениях». Когда я согласился составлять вторую книгу и объявил, что никаких повторов не будет, мне сообщили, что я рехнулся, что в мире нет – ну просто нет – столько *других* хороших писателей, чтобы набрать на целую книгу. И снова херня, дети мои. Их не только хватает, чтобы в *этой* книге их уместилось больше, чем в «ОВ», но еще и на избыток понадобился целый третий том. И мы *далеко* не исчерпали жилу.

Когда вышли «ОВ», я думал, что собрал всех важных писателей. Но с тех пор на нас обрушились Пирс Энтони, и Грегори Бенфорд, и Ричард Лупофф, и Джин Вулф, и Томас Диш,

и изумительный Джеймс Типтри-мл. – и это еще *не конец*. Наша область – это область постоянного роста, свежих идей и новых мечтаний. Если бы я составлял «ОВ» каждый месяц следующих десяти лет, все равно бы не угнался за притоком писателей.

Тогда почему, спросят меня, некоторые писатели бросаются в глаза своим отсутствием? Почему нет Бестера, почему нет де Кампа, почему нет Хайнлайна, почему нет Джорджа П. Эллиота, и Уилсона Такера, и Алексея Паншина? Потому что я просил каждого из них минимум раз, а большинство – и чаще, но просто не срослось. Боб Хайнлайн пишет новые романы и нездоров. Альфред Бестер редактирует журнал *Holiday*. Джорджу Эллиоту предложили больше денег и выше статус в *Esquire*, и он совершенно правильно согласился. Алекс Паншин попытался угодить мне рассказом, но он мне не понравился – может, потому, что читать пришлось в ресторане, в обществе двадцати вопящих фантастов с их дамами (а также вопящими фантастами, которые сами дамы), и я плохо соображал из-за надвигающегося гриппа... но, с другой стороны, может, и рассказ был не очень. Так или иначе, на вторую попытку он уже не пошел, о чем я жалею. Алекс – хороший писатель.

А с Уилсоном Такером другая история.

Не знаю, слышали вы о Ричарде Гейсе или нет, но если вы не настолько интересуетесь НФ, то это очень талантливый писатель, также много лет проработавший редактором журнала *Science Fiction Review*. Это место сбора и посиделок фэнов и профи, где среди оскорблений обменивались мнениями и новостями. И вот в номере 32 *SFR*, в августе 1969-го, Пирс Энтони поругался с Уилсоном (Бобом) Такером, и там опубликовали следующую выдержку из письма Энтони:

«В ответ на мою просьбу опубликовать хороший новый НФ-рассказ в „Новых опасных видениях“ (чтобы не испортить книгу, набив под завязку сплошными неописателями вроде меня), Боб Такер говорит, что его не возьмет Харлан Эллисон... Поскольку для меня важно, чтобы Такер присутствовал в книге, и я вынужден встать на задние лапы и взять быка за яйца:

Харлан Эллисон – ты слышишь? Властью, данной мне как самому молодому и бунтарскому из молодых бунтарей, требую опубликовать замечательный НФ-рассказ, который предлагает для „Новых опасных видений“ Боб Такер, заплатить ему как минимум 3 цента за слово за счет роялти за твердое и мягкое издание и не менять в рассказе ни единого слова. (Хотя в своем предисловии можешь писать, что вздумается.) Любезно обозначь полное согласие на эти строгие условия в данном фэнзине.

Ну все, Боб, дальше сам. Шли рассказ. (Люблю помогать уставшим стариканам на сегодняшнем требовательном рынке.)»

Что ж, Пирс снова это сделал.

Совершенно безответственно нарушил главное правило.

Вы поймите, ко всему, что Пирс написал за последние пять лет, я не испытываю ничего, кроме уважения, но если он думает, что этот вызов расшевелит меня или Такера, то он ошибается. Я списался с Такером задолго до негодования Пирса. Более того, Боб присылал на рассмотрение превосходный короткий роман. Но с большим удовольствием его прочитав, я нехотя пришел к выводу, что для данной антологии он не подходит.

И еще раз поймите: это был *хороший* роман. Просто недостаточно нестандартный для конкретно *этого* дурдома. Его может выпустить любой мейнстримный издатель (в отличие от рассказа Пирса, или Лупоффа, или Нельсона, или Воннегута), и потому я с *огромной* неохотой вернул его Такеру. С тех пор Боб написал и издал тепло принятый «Год тихого солнца» – роман, который должен уверить Пирса в том, что Такер не скатился.

Но, видите ли, это пример специфики «ОВ» – и это объясняет, почему некоторые писатели здесь отсутствуют.

Нет здесь Рэнди Гаррета: хоть он и звонил одним безумным ноябрьским вечером и шумно уговаривал дать ему аванс за рассказ, который он обязательно напишет *потом*, рукопись так и не прислал.

Нет здесь Барри Вайсмана, потому что его рассказ – о соплевампире – оказался тошнотворным даже для *меня!* Вам интересно, какие табу останавливают даже меня? Соплевампиры. *Теперь* можете распинать редактора за ограниченность.

Нет здесь Альфреда Бестера, потому что он не пишет художественную литературу, и Артура Кларка, потому что он делал тот фильм с Кубриком и возвращается в литературу только сейчас, и Алгиса Будриса, потому что... ну, это уже другая история. Зато *есть* сорок два других чудесных писателя, а еще пятьдесят, может, появятся в «Последних опасных видениях», а еще кое-кто из вышеупомянутых людей может передумать и прислать что-нибудь раньше, чем закроется прием для «ПОВ».

Но все получают только один шанс. Писатели из «ОВ» не представлены второй раз в «НОВ», потому что у них уже был свой шанс – и большинство им воспользовались. К нам уже рвутся с саблями наголо новички – нет времени ждать, когда там откроется второе дыхание у остальных. И к тому же рассказы, которые они написали для книг «ОВ», еще могут выйти и получить премии в *Orbit*, или *Quark*, или *New Worlds*, или *Infinity*, или любой другой антологии оригинальных рассказов, которые процветают с тех пор, как издатели увидели успех «ОВ». (Здесь позвольте сделать паузу, чтобы по воздуху разлилось великодушное моей натуры. Нет, спасибо, освежитель воздуха *не обязателен*.)

Тут мне приходит в голову, что в этом общем предисловии не помешает сказать слово, или три, и о, собственно, моих предисловиях. Мнения разделились. Обозревавшие книгу критики и читавшие ее фэны почти поровну раскололись на два лагеря: те, кто души не чает в подводках и считает, что в них есть забавные и глубокие мысли о писателях и об их творчестве; и те, кто категорически отвергает любой дополнительный материал. Первое мнение воплощают читатели вроде Шерри Колстон из Ганнибала, штат Огайо, которая написала: «Я наслаждалась искренним многословием в ваших предисловиях „Опасных видений“. Если вы что-то и умеете, то это налаживать связь с читателем». Вторую позицию характеризуют такие комментарии, как у мистера Эдмунда Купера, писателя с немалым талантом, который сказал (в лондонской *Sunday Times* от 2 мая 71-го, обозревая английское издание «ОВ», включающее первую половину американского издания, – вторая часть ожидалась в том же году): «Кажется, в „Опасных видениях“ и нет опасных видений. Там есть одно вступление, два предисловия и шестнадцать рассказов, причем каждый – тоже с предисловием и послесловием». Мистеру Куперу книжка не угодила, но даже судя по его короткому отзыву, из-за одержимого упоминания дополнительного материала я отношу его во вторую группу – отрицателей предисловий.

Как сказал известный любитель супов-чаудеров, нам нужна прозрачность. Так вот те, кому не нравятся предисловия, могут их пропускать. Все просто. Они бесплатные. В книге больше четверти миллиона слов, каждое уже оплачено и, соответственно, отражено в цене, которую вы заплатили. А всякие предисловия писал я сам, причем за так. Сижу тут бесконечными днями напролет и набиваю подводки к рассказам, включая полные биографические и библиографические данные от самих писателей, сдабривая их личными воспоминаниями и наблюдениями об авторах. Не считая чистой фактологии, это где-то сорок тысяч совершенно бесплатных слов для вашего потенциального удовольствия и просвещения. Если вас раздражают предисловия – или конкретно *мои* предисловия... пролистайте до рассказов. Мне не очень нравится сериал «Бонанза», но, в отличие от тех, из-за кого сняли с эфира передачу «Комедийный час Братьев Смазерс», потому что он-де не отвечал их мнению о том, что должны смотреть другие, я просто кручу ручку телевизора – и смотрю другую передачу.

Из-за смешанной реакции на предисловия я всерьез задумался о том, чтобы просто подавать рассказы без сопутствующих наворотов. Но тут мне пришло в голову, что это цензура

удовольствий одного лагеря ради предубеждений второго, и эта идея, если честно, с душком. Поэтому позвольте заранее предложить критикам среди фэнов и газетчиков, которые получают книгу на рецензию (а ведь многие из вас получают *весь* том бесплатно, кто дал *вам* право нять?), переживать о самих произведениях, а завитушки и прикрасы оставить тем, кого они волнуют. Не позволите? Ну, что ж...

А тем из вас, кому интересно, почему я столько времени трачу на предисловия, раз в ответ получаю только пендели, поймите: мне *нравится* писать о своих друзьях, о фантастах, о настоящих и очень несовершенных людях, которые стоят за совершенными произведениями. И раз уж я влезаю в долги, клепаю этого монстра, я хочу искать счастье там, где могу.

Можно долго говорить о том, как делать людей счастливыми. Даже за счет Эдмунда Купера.

Так, о чем еще не поговорили? Наверное, надо сказать пару возвышенных слов о том, что НФ возмужала, что Курт Воннегут засветился на обложке *Saturday Review*, а кое-кого из нас даже просят читать лекции в высших учебных заведениях, и теперь во все учебники наряду с Томасом Гарди и Джордж Элиот включают НФ, и все такое прочее, но, если честно, это уже надоело; это сборник хороших (на мой взгляд) рассказов, и этим вечером от вас требуется только получать от них удовольствие. Поэтому пропустим все доказательства, что спекулятивная литература сейчас горячее тостов, разве что набросаю несколько комментариев о «ПОВ» и мы все перейдем к вступительной речи мистера Хейденри и следующим рассказам.

Дай бог, «Последние опасные видения» выйдут приблизительно через полгода после этой книги. На самом деле о третьем томе никогда речи не шло. А получилось так, что, когда в «НОВ» набрались полмиллиона слов и это был еще не предел, мы с Эшмидом решили, что вместо превращения «НОВ» в двухтомник, который будет стоять целое состояние, лучше поделить уже закупленный объем пополам и выпустить последний том через полгода.

В той книге появятся такие авторы, как Клиффорд Саймак, Уаймен Гвин, Дорис Питкин Бак, Грэм Холл, Чен Дэвис, Мак Рейнольдс, Аврам Дэвидсон, Рон Гуларт, Фред Саберхаген, Чарльз Платт, Энн Маккефри, Джон Джейкс, Майкл Муркок, Говард Фаст, Джеймс Ганн, Фрэнк Герберт, Томас Скортия, Роберт Шекли, Гордон Диксон и еще целая стая. Я жду рассказов от Дэниэла Киза, и от нового пацана Джеймса Сазерленда, и от Лоуренса Йеппа, и кое-кого еще, но это только выборка. Будут романы Ричарда Уилсона и Джона Кристофера (вот именно – полные романы) и рассказы Бертрама Чендлера и Франклина Фишера, и очень хорошие работы таких новичков, как Вонда Макинтайр, и Октавия Эстель Батлер, и Джордж Алек Эффинджер, и Стив Хербст, и Рассел Бейтс, и...

Увлекся. Позвольте взять себя в руки.

В четыре года с лишним после того, как вдарили «ОВ», энергия на нашем маленьком литературном поприще била ключом. Ранее в антологии брали почти исключительно произведения «узнаваемых имен». Серия *Orbit* Деймона Найта, и серия *Quark* Чипа Дилэни, и многие другие, – и сами «ОВ», – ясно дали понять, что наш важный товар – уже не имена. Новые писатели, те, кто рос на НФ с сороковых, – они берут наши сокровенные идеи и выворачивают их наизнанку, чтобы показать такие видения завтрашнего дня, о каких мы и не мечтали.

Нас постоянно бомбардируют новые мечтатели, и если даже книги «ОВ» не добьются ничего, я буду рад хотя бы тому, что, когда вы поставите все три тома на полку – выпихнув с нее что-то равное по размеру, но не по качеству, – мы дадим слово хотя бы полусотне молодых и горячих.

Надеюсь, где-то в этой книге кроются новые обладатели «Хьюго» и «Небьюлы», но это не главная мечта. А главная – что здесь будут имена, о которых вы, скорее всего, никогда не слышали, имена мужчин и женщин, которые вас поразят и порадуют, причем не только во время чтения книги (или, как выразились бы в журнале *Liberty* в 1937 году: «Время на чтение:

2 года 6 месяцев 2 недели 19 часов 45 минут 13 секунд»), но и во все годы, когда спекулятивная литература будет все чаще и чаще считаться литературой нашего времени.

Если вы вдруг не заметили, вокруг нас творятся жуть и злодейства, и, хоть я не так наивен, чтобы думать, будто решение дадут лишь люди младше 30, я твердо верю: наша главная надежда – это люди, *молодые воображением*, и это к ним НФ обращается громче всего.

Это им, новым мечтателям, передают с невероятной любовью данную книгу писатели, художники, дизайнеры, редакторы и вспомогательный персонал, благодаря кому книга стала возможна, а также передает с огромной усталостью ее редактор,

Харлан Эллисон

Шерман-Оукс, Калифорния

6 мая 1971 года

Новые опасные видения

Предисловие «Переверточка зрения»

Предисловие к «вступительному слову» – это как в лес дрова возить. Уже по определению такой текст сам должен задавать тон и настроение для всего нижеследующего. И все-таки нас влечет к симметрии; к некоей надежности порядка; да и почему Джон Хейденри должен оставаться без пары слов предисловия только потому, что он написал сюрреалистический текст, в каком-то смысле закладывающий краеугольный камень для задач и настроения этой книги? Не можем же мы лишаться его такого пустякового удовольствия – вполне заслуженного.

Хейденри обратился ко мне под конец составления этой книги, благодаря Ларри Эшмиду из *Doubleday*.

Цепочка замолвленных за Хейденри словечек обнажает всю «инцестовую» суть нью-йоркской издательской круговой поруки. Мистер Хейденри был ответственным редактором *Herder and Herder* в Нью-Йорке – издательства увесистых томиков по теологии и философии. В свободное от работы время он еще пописывает всякое. Не в последнюю очередь – три романа, которые называет «очаровательной, подернутой дымкой грез пасторальной романтикой, еще один (набивая руку) – в черные дни страха и трепета, а о третьем мне все еще приходят мистические откровения». Неким таинственным образом, не поддающимся объяснению, мистер Хейденри попался на глаза мисс Элизабет Бартельми из *Doubleday*; и хотя у Хейденри не было контракта на книгу (он говорит, ему не хочется присылать только синопсисы или пробные главы, вот дурачок), мисс Бартельми заинтересовалась его творчеством и упомянула о нем Эшмиду. И тогда его пролистал Эшмид и написал уже мне с мыслью, что Хейденри может подойти. Поэтому, когда мистер Хейденри прислал «Переверточку зрения», я уже понимал, кто он. Я воспылал интересом к тексту и хотел его взять – но тут деньги кончились.

Я известил Ларри о таком печальном положении дел, и он решил, что цена этого рассказа равнозначна хорошему обеду в какой-нибудь манхэттенской забегаловке повыше классом, который он, как мой редактор, оплатит мне, как его автору. Поэтому он вписал Хейденри в столбец расходов в виде делового обеда со мной и выписал мне чек из своего кармана, и теперь я разоблачил всю эту схему и Нельсон Даблдэй уволит Ларри – так ему и надо за то, что вечно подгоняет из-за сроков.

Но таким вот образом Хейденри теперь открывает эту книгу.

«Переверточка зрения» – его первый *рассказ*, хотя мне он говорит, что считал себя писателем всегда – примерно как Андре Жид, который ожидал, что люди будут узнавать в нем творческого человека по одному взгляду в глаза. (Впрочем, предположительно, Хейденри уже работает над вторым рассказом под рабочим названием «Вихляй, Диззи», который, выражаясь образно, повествует о «том случае, когда Артур Рембо играл на правой стороне поля за старых добрых „Сент-Луис Браунс“».)

Хотя я не требовал у Хейденри рассказывать об этом (такт соседствует с чистотой, а она, как общеизвестно, живет дверь в дверь с благочестием, чем обесценивает стоимость недвижимости в районе), я чувствую себя обязанным призвать всех читателей, кому понравится ниже-следующее, написать в *Doubleday* и потребовать дать человеку контракт-другой и наличные вдобавок, чтобы ему, бедолаге, не приходилось присылать пробные «отрезки» материала.

К слову о материале – вот данные о самом Джоне Хейденри: родился в Сент-Луисе, штат Миссури, 15 мая 1939 года; затем посредственное образование; начал читать на пятнадцатом году жизни; решил изучать теологию, для чего и поступил в Сент-Луисский университет; клянется, что не собирался становиться священником (впрочем, человеку, который так относится к Богу, веры нет); закончил учебу, но отказался от диплома; затем посредственное образование; 1960–1961 годы: суперодновременный редактор *Social Justice Review*, *Catholic Women's Journal* и *The Call to Catholic Youth* – трех ежемесячников с общим тиражом в 3 тысячи экземпляров; 1961 год – очаровательная смена темпа, нервный срыв и недолгое проживание в Новом Орлеане (я и сам побывал в Новом Орлеане на гастролях с *Three Dog Night* и смею вас уверить: это славный и сочный городок, где самое оно оправляться после срыва, но при этом напрашиваясь на другой, еще пагубнее); 1962–1963 годы – суперавтор *St. Louis Review*; писал практически все, кроме редакторских колонок (Хейденри заверяет, что это в целом хорошая газета... не считая редакторской колонки); 1971 год – закончил роман «Возлюбленная» (*Dearly Beloved*), остался без работы и начал побираться; женат, отец троих детей – не только ради укрепления статуса хорошего католика, но и ради расширения тиража газеты *The Call to Catholic Youth* («Призыв к католической молодежи»).

Последнее, что нужно, чтобы вы лучше представляли себе Хейденри, – отрывок из его чудесного набоковского анализа, который он писал для *The Commonweal* в мае 1969 года. Он называется «Владимир в стране чудес», и начало выглядит так:

Вла-ди-мир: кончик языка пускается в путь по небу, чтобы остановиться на счет три на зубах: Вла. Де. Миррор⁴. От набофана всегда можно ожидать изощренного стиля.

И вдобавок к чрезвычайной плодовитости ожидающего вас вводного слова, чтобы вы вдруг не решили, будто ваш редактор лишь поддерживает непотизм нью-йоркской издательской клики, редакторы *The Commonweal* – как всем известно, на световые годы далекие от корпорации, – характеризовали Джона следующим однострочным резюме: «Джон Хейденри работает над знаменитым романом».

Мы не нашли бы более выдающегося автора вводного слова, даже если бы обратились к самому Папе Римскому.

---

⁴ Mirror (англ.) – зеркало.

Переверточка зрения Джон Хейденри

Мунакра, один из ученых Тлена⁵, самый еретический – и мудрейший – герменевт своего времени, во время исследования забытых масоретских палимпсестов⁶ касательно каббалы и ее апокрифов открыл – возможно, по случайности, – что Уильям Шекспир и в самом деле находился в числе переводчиков, кому в начале XVII века король Яков I Английский доверил создать новую версию Священного Писания, «дабы оно словно само собой глаголало». В качестве одного из своих пяти доказательств Мунакра привел перевод псалма 46, где Шекспир неоспоримо намекнул на свое авторство двумя словами – сорок шестью при отсчете с начала и с конца. (Шестое доказательство с тех пор нашел анонимный тленский счетовод: вероятность того, чтобы эти два слова – shake («волноваться») и speag («копье»)⁷ – встали на свои соответственные позиции случайным образом, равняется 4600000000 к 1. Счетовод рассудил, что во времена Шекспира такого большого числа еще попросту не существовало.)

Одновременно с тем, как в английскую литературу вводил свою криптографию Шекспир⁸ (ранее попрактиковавшись с приемом выдуманных выдумок в «Комедии ошибок» и других пьесах), в Испании, в краю темных и опасных экспериментов, Мигель Сааведра де Сервантес уже рассказывал о персонажах, которые прочитали ту самую книгу, где они фигурируют, и знают ее автора. Эта инволюция в искусственность достигла своего пика в недавние годы, в виде героической попытки Пьера Менара воспроизвести поэтический опыт чтения Сервантеса, при этом не читая о жизни Сервантеса и об истории испанской культуры: Менар пытался написать несколько страниц, что совпадут слово в слово и строчка в строчку с «Кихотом». Текст Менара, превзошедший оригинал, – это первый пример искусства, которое успешно подражает и в конце концов побеждает простое искусство⁹.

В течение запутанного и смутного развития фантастики в отдельный жанр бывали периоды (как показал Мунакра), когда фантастический стиль был присущ философии и неведом

⁵ Данный рассказ построен на игре с литературными отсылками и путанице реальности с вымыслом, поэтому поясняющие сноски неизбежно испортят задумку и читать следует на свой страх и риск. Тлен – воображаемый мир из рассказа Хорхе Луиса Борхеса «Тлен, Укбар Орбис, Терциус» (1940). Его пытаются создать интеллектуалы.

⁶ Масоретский текст – средневековая редакция некоторых древних текстов Танаха (еврейской Библии).

⁷ Псалом 45 в Псалтыре; в Синодальном переводе «оружие», а не копье. Фамилия «Шекспир» (*Shakespeare*) сложена из двух слов – «трясти» и «копье».

⁸ Мудреные головоломки и палиндромы Чосера, разумеется, хотя сами по себе и отрадны, в сравнении с этим невинны. – Прим. авт.

⁹ Имеется в виду рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Пьер Менар, автор „Дон Кихота“» (1939).

искусству: всего изобретательнее он проявляется в сновидческих размышлениях о неоплатонической божественности у Джорджа Беркли, достигшего такого мастерства, что Юм скажет о его изысках: «Они не допускают никакого ответа и не порождают никакого убеждения»¹⁰. Регулярно наступали и затишья с вырождением: орнаментальное мастерство обесценивалось до уровня эпатажного приема, ясность взгляда сменялась (как у Льюиса Кэрролла) зазеркальем и бармаглотом. Однако ж в лице отважного и в конечном счете несчастного Эдгара Аллана По – а именно в его сочинении о шифрах и в его гротескных, энигматичных рассказах – все-таки навечно утвердились истинные и ужасные возможности иллюзорной истины. Эдгар По, уже не в силах продолжать свои исследования, в конце концов впал в более разумные нереальности лауданума и алкоголя – скончавшись в пять часов утра 7 октября 1849 года с криком: «Боже, помоги моей несчастной душе!»

В числе иных практиков сего тайного искусства, разумеется, находятся Лжеймс Лжойс – сей новоясный каламбурист, расщепивший сам слог реальности; Владимир Набоков, творец Земблы¹¹ и растворитель истины; а также Хорхе Луис Борхес собственной персоной.

Мунакра в приложении к своему изданию «Таргум Онкелоса¹² и масоретская ревизия» как предвосхитил, так и определил направление литературного искусства в своем перечислении ста трех первичных видов двусмысленности, а также в формулировке «трехчастного принципа подвижной точки зрения», где первая и последняя части принципа гласят: «Все что есть то есть то чем кажется не есть тем чем не кажется то не есть». Не расставив запятые в своей максиме, Мунакра смог наделить ее одновременно истинами и ложью. Хорхе Луис Борхес в своих размышлениях о достижении Менара разглядел дальнейшее логическое следствие фантастического стиля. Подвиг Менара, предположил он, призывает нас читать, к примеру, «Одиссею» так, будто это предшественница «Энеиды»; *Imitatio Christi*¹³ – будто это труд Луи-Фердинанда Селина или Джеймса Джойса. И все-таки больше пугает та возможность (впервые явленная миру теперь, будучи украденной из тайного тленского анализа, который даже весьма либеральные цензоры того края не допустили к публикации), что читатель текста – это его писатель, а писатель – читатель.

Возьмем в качестве примера ближайший текст под рукой – данное произведение. Предполагательно, в обычном пространственно-временном континууме я его автор, а вы – читатель. Но в задумке Мунакры все является не только тем, чем задумано, но и является – или может являться – диаметрально противоположным (среди многого прочего). Анаграммная разгадка первого абзаца показывает: в первом и третьем предложениях я намекнул, что я не единственный сочиняю эти слова. Текстовое преломление абзаца № 2 явно говорит о вероятности совпадения личности читателя с моей; и (неизбежно) расшифрованная транскрипция абзацев 3, 4, 5 и 7, а также названия этого рассказа неопровержимо подтверждают предчувствие, что я не являюсь его автором и что им являетесь, скорее всего, вы, читатель. (Я говорю «скорее всего» потому, что отдельные детали также указывают на противоречивую и в высшей степени фантастическую альтернативу. Впрочем, я пришел к своему выводу, опираясь на наблюдение Шерлока Холмса: когда исключаешь все невозможное, то, что остается, даже если оно невероятно, должно быть истиной.)

¹⁰ Дэвид Юм, «Исследование о человеческом познании»*, раздел XII, часть I, примечание. Уильям Батлер Йейтс пришел практически к тому же выводу, когда писал о своих сородичах: «Хоть он [Беркли] не мог описать тайну – в его век для того не было подходящего языка, – его вкрадчивые мерцающие фразы на нее так намекают. У него мы, быть может, впервые чувствуем, что вечность всегда дышит нам в затылок или же скрыта от глаз наших за толщей двери». Предисловие к *J. M. Hone and M. M. Rossi*, «Епископ Беркли. Его жизнь, творчество и философия» (*Bishop Berkeley. His Life, Writings, and Philosophy*; London, Faber & Faber Ltd, 1931), сс. xxi – xxii. – *Прим. авт.* Пер. С. Церетели.*

¹¹ Имеется в виду вымышленная страна из романа «Бледный огонь».

¹² Онкелос – римский переводчик Торы на арамейский. Таргум – общее название для переводов Ветхого Завета на иудео-арамейский язык.

¹³ «О подражании Христу», богословский трактат Фомы Кемпийского, 1427.

Таким образом, закончив «писать» – то есть заниматься интонацией, пунктуацией, скобками вплоть до переверточки утраты и личности, и цели, и даже знания, – я планирую откинуться на спинку кресла, прочитать этот рассказ и узнать, что же вы (единственный и истинный автор) хотите мне поведать.

Послесловие

Я уж подзабыл об этом рассказе, но написал его, кажется, в 1612-м. В нем была и третья сноска, в итоге исключенная из уважения к каким-то неопределенным правилам стиля, или стильным правилам неопределенности, и в ней исследовались предположительно патриотичные, но явно крамольные резоны Бена Джонсона для того, чтобы принижать невероятные познания Шекспиром латыни и греческого – или вообще любого языка, если на то пошло.

Альтернативные названия этого небольшого наброска: «Контраргумент контраточки» и «Зрение точки». Ну или, по крайней мере, мне известны только эти.

Дальнейшие сведения об этом рассказе, или о Джозефе Конраде, или – предпочтительно – о затерянном крае под названием «округ Рэйнтри» можно получить, написав моему отцу по адресу: бар «Имperiал», 10-я и Пайн-стрит, Сент-Луис, штат Миссури; или встретившись с ним лично, утро среды, с десяти до полудня.

Предисловие «Дзынь-ведьма!»

В гадкой, как будто бесконечной и (что мне вполне очевидно) искусственно раздутой потасовке «научной фантастики старой волны» против «спекулятивной литературы новой волны» большинство тех, кто добавляет свои ненужные пять центов, пропустили один важный и печальный факт. Создав бумажного тигра и облепив его стопкой статей так, что он *стал казаться* угрозой, многие известные писатели постарше и впрямь поверили в свою неполноценность. Полдесятка раз за время подготовки «ОВ» и «НОВ», обращаясь к своим любимчикам, которых нашел, наверстывая в знакомстве в жанре с 1926 года, я встречал пристыженный (и вот снова это слово) печальный ответ: «Я не умею писать по-новому».

Три самых важных и талантливых основоположника нашего жанра из сороковых отказались даже и *пытаться* написать рассказ, убедив самих себя, будто способны лишь на то, что делали уже годами; будто никто не хочет видеть их эксперименты; будто если они и *попробуют* поэкспериментировать, только опозорятся. И никакие уговоры и уверения не могли изменить сей прискорбный настрой.

Я считаю это величайшим злом, выросшим из дурацкого противопоставления «старая/новая волны». И предлагаю этим писателям взглянуть на Росса Роклинна.

Россу Роклинну – пятьдесят семь. Он родился во время Первой Балканской войны, когда Черногория, Болгария, Греция и Сербия сражались против Турции. Он родился в год, когда мексиканского президента Франциско Мадеро убил Уэрта, и между силами Уэрты и Карранзы разразилась гражданская война, после чего на севере диктатором стал Панчо Вилья. Когда родился Росс – в год, когда убили короля Греции Георгия, – президентом Соединенных Штатов был еще Вудро Вильсон. Это 1913-й – всего за год до убийства в Сараево эрцгерцога Фердинанда и его супруги, герцогини Гогенберг. Росс утверждает, что его зачали одновременно с Тарзаном, где-то в 1912-м. Ему пятьдесят семь лет, дорогие друзья и самокритичные авторы.

Первый рассказ Роклинна в печати – «Человек из железа» (*Man of Iron*), короткое произведение в *Astounding Stories* от августа 1935 года. Тогда ему было двадцать два. Я встретил творчество Роклинна довольно поздно, в 1951-м, когда с немалым трепетом прочитал «Восстание Дьявольской звезды» (*Revolt of the Devil Star*) в уже несуществующем *Imagination: Stories of SF & Fantasy* – рассказ о разумных звездах. Он далеко выходил за рамки того, о чем писали в жанре. Это был – надеюсь, Росс простит мне такие выражения, – настоящий авангард. К тому же превосходно написанный. Я рылся в магазинах со старыми подшивками журналов в поисках других рассказов Роклинна и с удовольствием читал «Галку» (*Jackdaw*), «Траекторию столкновения» (*Collision Course*), «Люди в склянках» (*The Bottled Men*), «Изгнание на альфу Центавра» (*Exile to Centauri*), «Время хочет скелет» (*Time Wants a Skeleton*) и другие – в журналах, чьи названия уже сами по себе лишь воспоминания для нынешних молодых писателей: *Planet Stories*, *Future Science Fiction*, *Startling Stories*; эрцгерцог Фердинанд, Вудро Вильсон, Франциско Мадеро.

Ниже следует новейший рассказ Роклинна в печати – «Дзынь-Ведьма!», свежий, оригинальный и *в этот момент* не хуже чего угодно от молодняка, кого я так расхваливаю на этих страницах.

Большинство пятидесятилетних людей, кого я встречаю, только и делают что жалуются, какая никчемная пошла молодежь, как никто не уважает закон и порядок, как доктор Спок породил поколения сопляков, эгоистов, анархистов и выскочек. Когда я наконец познакомился с Россом Роклинном, пять лет назад, я не дал ему больше сорока и поверил, что он раскрыл секрет вечной молодости. В своем мировоззрении он такой же юный, откровенный и прогрессивный, как самые модные университетские интеллектуалы.

Учит ли чему-то образ жизни Росса Роклинна тех писателей, которые якобы не могут написать для «НОВ», потому что слишком устарели? Учит ли тех из нас, кто вечно мнит себя человеком «своего времени»?

Если читатель вдруг не заметил, в этом вступлении особое уважение редактора к Роклинну, поспешу добавить, что оно вызвано не только фактом, что рост редактора – метр шестьдесят пять, а Роклинна – метр восемьдесят восемь; о нескончаемом росте, присущем жизни Росса Роклинна, лучше говорит нижеследующий рассказ, исполненный с талантом и глубиной, недоступными многим молодым писателям, кого мы часто высоко отмечаем.

Я бы сказал о Роклинне больше, но биография, которую он прислал, такая хорошая, такая *характерная*, что, пожалуй, никто не представит вам автора «Дзынь-Ведьмы!» лучше самого автора.

Сопляки мира, приветствуйте Росса Роклинна – человека... после чего скажет свое чудесное слово Росс Роклинн – писатель.

«В 1953-м Л. Спрэг Де Камп попросил данные для его книги „Справочник по научной фантастике“. Я затянул с ответом. Тогда я учился у чернобородого гуру, и мои обеты запрещали говорить об эго. К тому же мне казалось нелепым, что Спрэг хочет включить в справочник меня, когда я уже бросил писать; я не хотел в справочник. Пришла очередная просьба. Эгомания взяла свое, и я наконец отписал малодушную справку о себе. Спрэг ответил огнеопасной открыткой, где говорил, что я один из восемнадцати писателей, кому он планировал посвятить главу, но я ответил слишком поздно, и теперь он может упомянуть меня только по имени. Наверное, уже поздно плакать над пролитым молоком, но, оглядываясь назад, я был бы рад главе в такой книге. Впрочем, в те времена приближался конец света. Отреагировав на него слишком бурно (чем введу здесь элемент тайны), я умер больше чем на десять лет. Чернобородый гуру стал белобородым, а я не достиг ни смерти, ни перерождения. И все-таки Гурджиив, Успенский и восточный пантеон по-прежнему остаются столпами моей Веры; как они, так и учение чернобородого, ставшего белобородым. Но я взял То, Что Знал, – или Думал, что Знал, – и отправился посмотреть, что есть Вовне. А была там фантастика.

Я зачат одновременно с Тарзаном. (Филип Хосе Фармер упустил этот момент¹⁴.) Начинать я далеко не Тарзаном – с рыжей бородой, веснушками, пухлым в юности. И все-таки в семь лет я качался на деревьях над старым каналом через Цинциннати и видел, как мулы тянут баржи по каналу. Уже за одно это можно войти в историю. Я был почти типичным босоногим мальчуганом, исследующим обширный двор лесов, лугов, ферм, каналов и краев за ними.

А дома отец-механик время от времени участвовал в литературных конкурсах. Еще он изобретал; работал над загадкой вечного двигателя. Одно его изобретение, не доведенное до ума или патента, – это гидроплан, способный поднимать корабли из воды, чтобы спасти от торпед Первой мировой войны. Другое – полупривод, который, вращаясь в одном направле-

---

¹⁴ В романе «Тарзан жив: Подлинная биография лорда Грейстока» (1972; в цикле «Семья из Ньютоновой Пустоши», посвященном теме литературного мэшапа) Фармер рассматривал жизнь Тарзана так, будто это реальный человек, среди прочего встречавшийся с Джеком-потрошителем и Джеймсом Бондом.

нии, вызывал обратно-поступательное движение в подключенном механизме; я видел такие в действии на выставке General Motors в Нью-Йорке в 1939 году.

Позже мы с отцом развили два изобретения и продали права *Popular Mechanics* за 3 доллара каждое: замочная скважина в форме воронки и перевернутый вверх ногами карман.

Мать была порядочной и работающей женщиной, по вечерам играла на пианино или на мандолине в дуэте с отцом на гитаре. В такие праздники, как Рождество и Пасха, у нас дома всегда были свечи на елях и яйца, и всегда – подарки. Сейчас она поддерживает те давние традиции. Когда приходили кроссворды, она разгадывала их первой; и разгадывает до сих пор. Так что интерес к словам охватывает уже три-четыре наших поколения – мои два сына тоже могут без труда выиграть в „Скрэббл“ почти у кого угодно.

В двенадцать лет я, дитя ах-какой-неблагополучной семьи, отправился в школу для мальчиков под названием „Каппа-Сигма-Пи“, где прожил пять лет. Мой тарзаноподобный друг мял мне бока, чтобы закалить мое тощее телосложение. Он же познакомил с книгами Эдгара Райса Берроуза, от которых я не мог оторваться. По вечерам в кроватях мы бросались друг в друга дротиками с оперением, пока один не воткнулся мне в грудь.

Еще по ночам мы лазали и скакали на крутом фасаде старого здания, овладевая искусством под названием „последствия“.

В той же школе я унаследовал подписку на *Amazing Stories*. Обложки журнала рисовал Фрэнк Р. Пол – нынешней культуре и невдомек, что это он изобрел цвета и бриджи до колен. В том же возрасте я отправил рукопись на новый конкурс *Science Wonder Stories*.

Нью-Йорк, 1939 год. Первый Всемирный конвент научной фантастики. Кое-кто из его посетителей прославится. Одних я знаю с тех пор, с другими второй раз встречу уже тридцать лет спустя, на „Бэйконе“ в 1968-м. Наступает 1940-й, „Чикон“. Чарльз Р. Таннер, Дейл Тарр и я, даже не понимая, что мы – одна из первых групп фэнов („Адские мостовщики“), заявляем о себе в Чикаго. Потом у меня свадьба. Калифорния. Война, работа в тылу. Были и писательские периоды, но в других областях, не в фантастике.

Но старая нервная болезнь уже перезаряжала свои батарейки. У меня родились два сына. Четыре года работы сценарным аналитиком в *Warner Bros*. Потом развод. Работал в литературном агентстве. Мозг матерел. Дальше я сменял немало работ – продажа и ремонт швейных машинок, водитель и диспетчер в компании такси, токарь в токарной мастерской, продавец в галерее, короткий период работал лесорубом.

Внезапно: 1950-й, старый добрый Рон расчистил для нас путь в *Astounding*, а я увлекся дианетикой. От этого уже пара шагов до чернобородого гуру, который станет белобородым. Снова внезапно: шел 1964 год, и я шел свободным по Вестлейк-парку. К середине 1967-го я снова понемногу начал писать. Это началось так – со светлой мысли: „Спорим, я могу написать рассказ, который издадут. Спорим!“

Пишу я до сих пор медленно. Рассказ, который нравится с утра, уже не могу видеть вечером. Эти эмоциональные качели отнимают время, и я часто подумываю поискать какое-нибудь другое развлечение, да только на карусели я уже покатался. Так что и не знаю. Надо бы сказать об одной творческой идее, связанной с моим исследованием сомстетических чувств (где я пользовался собой как настоящей и одобренной лабораторией). Сомстетические чувства говорят нам о том, что происходит внутри наших тел, – эти чувства есть давление, боль, тепло и холод. Например, в нынешней книжке, о которой я сейчас подумываю, можно перевернуть с ног на голову наши прежние представления о смысле боли. Можно показать, что боль и травма, или боль и болезнь, – это противоположности. Боль полезна, координирует, не просто „предупреждение“. В таком качестве с ней можно отменять некоторые изменения в морфологии. Эти идеи будут представлены в качестве инструментария для тех, кто найдет их полезными. С этой идеей у меня тоже свои качели».

Снова – Эллисон. Есть такое старое китайское проклятие: пожелать получателю «жить в интересные времена». В дни и ночи, когда мы оказываемся «запертыми в гневе» (как выразился бы Род Макьюэн¹⁵, помоги нам боже), мы живем в самые интересные времена на свете. Кажется – да и есть, – что Вильсон и Сараево остались давно позади, в периоде куда более тихом, пусть и агрессивном. Мы склонны верить, что если не посвящать себя действию и переменам, то у нас нет души.

Росс Роклинн вырос в то тихое время и, по его словам, свой долг исполнил. Но он не крикун, не ниспровергатель и даже не ура-патриотичный радикал. Он всего лишь – а это дорогого стоит – хороший писатель, пронесший свой талант через все годы жизни целым и невредимым, что сейчас неоспоримо нам и докажет.

---

¹⁵ Род Макьюэн (1933–2015) – один из самых публикуемых поэтов США конца шестидесятых. Отличался простотой стиля и назидательностью. Популярен и мейнстримный, но повсеместно критикуемый.

Дзынь-ведьма! Росс Роклинн

Тинтинабула была прям-таки дзынь – в ночь перед тем, как взорвалась старая Земля. И танец был вполне дзынь-мая¹⁶.

Капитан Рэтч Чаг кувыркался где-то в туманной сине-зелени диско-шара. Двигал бедрами в ракоподобном дополнении к танцу, который сам и придумал на прошлой неделе в Янгоне, прямо посреди войны. К своему отвращению, он услышал, как заводится его мурчащий моторчик, когда повисший на его пальцах комок розовой плоти просиял свое удовольствие.

– Ты дзынь! – пропищала она довольно громко в его заостренное ухо, «дзынь», – но это всего лишь часть танца и, может, вовсе не настоящее восхищение. Впрочем, никаких сомнений, что ее завораживал раскосый блеск его глаз – не меньше великолепных щетинистых навощенных усов, которые он носил наперекор всем обычаям.

– Как это дзынь! – ухнула она мечтательно в свободном падении на его грудь с ее полутора метров роста под судорожное гулкое завершение тинтинабульной конструкции. Привалившись к нему, она даст ему тридцать секунд своей жизни, и за это время ему можно сказать все, что он пожелает.

– Может, улетишь со мной с этой планеты? – вот что сказал Чаг, пока воздух вокруг ворковал и отдавался последними нотами их дзынь-ваппо.

– Насколько далеко с планеты? – Она надула губки в расчетах, осмысливая вопрос на последнем эхе позаимствованной у урана музыки. – Насколько далеко, старик из космоса? Насколько?

Потратила целых десять секунд!

– Десять световых лет, не меньше.

Чаг вздрогнул. Что-то закричало на него, внутри него.

– На Зефир! – воскликнул он.

И тут же осекся. Заворковал заманчиво:

– В путешествие со мной к богу юга!

Его короткие толстые коричневые пальцы с кривыми когтями сжались на ее голых розовых плечах, и ее глаза улыбнулись, а надутые сладкие губки перекошились.

---

¹⁶ Мая – понятие в индийской философии, ложное, иллюзорное представление о мире, скрывающее его истинную природу.

– По чему льешь слезы, человек из космоса? Что это – слезы по мне, потому что знаешь, что я с тобой не отправлюсь? У тебя лицо сумасшедшего. Танец закончен. Ты потратил свои тридцать. Пойду найду другого мужчину.

– Нет у тебя времени искать другого, – простонал он, не мешая слезам выжиматься. – Они повернули тот самый рычаг! Война закончится! Земля взорвется! Я схожу!

А ты сойдешь со мной, юная розовая штучка. Я же не человек, на пятую часть – не человек, и на Земле нет никого вроде меня, и поэтому я знаю! Давай со мной? Хочешь сохранить свою розовую кожу? Ты не пожалеешь. Я хороший, я тебе понравлюсь, а времени искать другую сквуд у меня нет. Сдавайся!

Но никакие уговоры не помогали. Все еще розовая, она ускользнула, и он провожал взглядом, как она уплывает на сокращенном поле к наблюдающим парам, улыбающимся знакомой сцене. Чаг натянул свой блестящий черно-зеленый мундир 2-го корпуса Отразителей на поджарые бедра и привычно отпнулся в сторону парящего бара.

На стаканах и кубках рябили блики света, пока бар кружился вокруг него в импровизированном танцевальном ритме, заманившем оцепенелого капитана Рэтча Чага в аллеманду. Он остановился и заказал два стакана. Томатический бармен заплатил, но Чаг не взял карточки и быстро выпил. И тогда заплакал по-настоящему, его худое рябое коричневое лицо корчилося, зубы застучали; и кончик носа дернулся, когда задрожали кончики усов в виски. Он покинул большой зал и направился в космопорт тремя милями¹⁷ выше.

– Я буду танцевать и наблюдать за Землей в зеркале, когда она взорвется! – дал слово Чаг, уставившись на свои распухшие глаза и потрескавшиеся губы. – Когда накатят первые альфы и гаммы, я буду отжигать джигу племени хопи для призыва дождя. Или ламбет-уок. А может, летку-енку! Вот что я о тебе думаю, старуха Земля. Так что наливай еще.

Он сбросил свою скорость до почти световой. Его быстрый путь от Земли напоминал пунктир – корабль скачками прошивался через космос. Скоро его нагонит земной свет. Он выпил все, что ему покорно приготовил томат. Ого, думал он в полудреме. Да эта дзынь-майя была ваппо! А как насчет ирландских танцев? Особенно когда твой томат знает, как делать старый добрый ирландский вискни – ну-ка, еще разок, старик из космоса, искряндский виски. Тут-то он и увидел, как взрывается Земля. Капитан Рэтч Чаг, беспокойный из покойного 2-го корпуса Отразителей, увидел взрыв в наблюдательном зеркале. Ужасно рыдал, хоть ему было и плевать. А еще не танцевал. И приказал томату прекратить делать эту дурацкую выпивку. И отключил зеркало, вспоминая ту юную розовую штучку.

Не такая уж и розовая.

Сама виновата.

Капитан Рэтч Чаг сделал поправку в своем маршруте на Зефир, установил свою эффективную скорость в полтора раза быстрее световой, в соответствии с запасами топлива.

За сколько лет до того, как его догонит фронт волны раскрошенного света с Земли, Чаг прибудет на Зефир? Интересный вопрос.

Перед тем как впасть в долгий сон, Чаг пьяно рыдал на своей подстилке. Вдруг заорал на ползущие к нему трубки с замораживающим гелем:

– Какого хрена! Есть и другие планеты, другие женщины для игр! Чем я и займусь до того, как сообщу новости зефирцам. Серьезно, это грустно! С души воротит!

Зефир называли в честь доброго и славного бога южного ветра, потому что это единственная человеческая планета к югу от плоскости эклиптики.

У Земли были нелады с Зефиром – уже сто три года. За все это время ни один земной корабль, взбиравшийся по ступенькам космоса, не подтягивался к Зефиру. К тому же Земля

¹⁷ 1 миля ≈ 1,6 км.

настроила системы связи так, что Зефир стал дырой в небе, и ушла со всеми своими высокоскоростными кораблями – и секретом их производства. Зефир остался один!

А почему? Все просто. Измышляйте красивые политические и социальноэкономические причины сколько влезет, а все сводится к одному главному факту: земляне – мужчины, женщины и дети, все до одного, – подлые, коварные, продажные, худосочные и хлипкие, и вдобавок любят удовольствие. Не веселье – удовольствие. А зефирцы – благородные, великодушные, высоченные, праведные и обожают Материнскую Планету. Естественно, они самим существованием оскорбляли никчемных земных выродков, вот те их и вырезали из бытия. Не самый добрый поступок, но такова уж старая Земля.

Вид земного корабля в зефирских небесах перебудил всю планету. Как будто каждый на Зефире распустился, обращая лепестки к поразительному сюрпризу. Не поймите меня неправильно, это не какие-то люди-цветы, они такие же человеческие, как мы с вами – или какими были люди (но это другая история).

– Приветствую, зефирцы, – слабо выдавил Чаг, когда уползли последние капли консервирующего геля. – Передаю вам привет с родной планеты. Как единственный представитель Земли... – Но не это он хотел сказать. Еще не протрезвел – в анабиозе сохранилось и его алкогольное опьянение. Встал он на нетвердые ноги.

Раздался приятный голос.

– Мы слышим тебя, землянин. Мы посадим твой корабль – ну, скажем, через часок; а пока, может, приляжешь и проспнешься?

– Чего?

Чаг почувствовал, как выгибается его спина.

Как потянуло ногти.

– Слушайте, – начал он, – кем бы вы там ни...

– Ты пьян, сынок, – перебил приятный голос. – Но это ничего. Это только между нами. А мы никому не расскажем, правильно? Ну конечно нет, старина, дружок.

– Ты че не говоришь *по-английски*? – рявкнул Чаг. – Что за странный акцент.

Он шатался в ярком свете каюты, переполненный мерзким удивлением. Во-первых – изгиб спины и ощущение когтей на пальцах. Он ведь это давно перерос! Правда-правда! И вот все вернулось – причем когда его застали врасплох. Во-вторых – этот предположительно почтительный зефирец, который был вовсе не почтительным, а обдавал явным северным ветром.

– Ты никакой не зефирец!

– Но и землянин из меня никакой, – ответил собеседник. – Ты бы уж послушал меня, дорогой мой человек. Мне поручили посадить твой корабль. Я не собираюсь портить твою милую игру.

– КАКУЮ ЕЩЕ ИГРУ? Какого хрена ты мелешь?

И вот опять – Чаг чуть не расплакался – это ощущение длинных клыков, растягивающихся в оскале губ; черт-черт-черт.

– Ого.– Собеседник вздохнул и закатил глаза – это так и чувствовалось.– Слушай, сынок. Сделай *по-моему*. Протрезвей и приведи себя в порядок. Гляди бодрей! Спина прямая! Туфли начистить! Пшел!

– О-о-о... – простонал Чаг, сутуло садясь.

– Но не тревожься, дорогой мальчик. Зефирское общество ждет тебя с нетерпением. Каким сокровищем ты станешь для почтительных старейшин и несметных подростков, которые как раз собираются тебя встречать!

– Один час.

Последовавшая тишина дала понять, что связь прервана.

Сто главных зефирцев стояли и сидели в большом зале парящего крылатого дворца мэра в городе Матчли. Перед ними стоял Чаг, с фанфарами доставленный со своего корабля – разумеется, на зеленом крылатом коне. В воздухе сотнями порхали и планировали тонкие телеэкраны, тоже с крыльями, и на каждом экране теснились внимательные лица подростков.

Капитан Рэтч Чаг, из 2-го корпуса Отразителей, произвел фурор! Он выглядел роскошно. Где еще во Вселенной в наше время найдешь человека в униформе – к тому же красно-золотой униформе с зубчатой каймой, с лохматыми эполетами, что болтали бахромой, как под военный марш? Нигде, кроме как на Земле, потому что только там и бывали войны.

Чаг вытянулся по струнке. Внутри него что-то гудело – предощущение огромного удовольствия. Он изящно выставил начищенный сапог вперед. Все подкручивал и подкручивал свои модные навощенные щетинистые усы. Его глаза поблескивали, оценивали и окидывали шепчущую толпу сановников, а также облака окрыленных тонких телеэкранов, ломившихся от обожающих лиц зефирской молодежи. На время ему похорошело – на миг оправился после ужасного траура после взрыва Матушки-Земли, твердо настроился нежиться в сиянии обожающих, что излучали зефирцы.

Ему уже завали вопросы, все – о Земле.

– Войны? Войны? Нет, на Земле больше нет войн, – честно ответил Чаг.

– Превосходно, – услышал он в ответ.

(Все на планете слушали их разговор – правда, открылся сезон охоты на гортов, и поэтому сотня тысяч зефирцев уехала на охоту. Эти горты... а впрочем, история не о них.)

– Что вы можете рассказать о возможных будущих отношениях Земли и Зефира?

– Отношения будут прям лучше некуда, – заверил их Чаг. Еще бы: Земли-то больше нет.

– Правда ли, что вы, выступая от лица Земли, вернете нам тайну преодоления скорости света?

От вопроса встрепетало сердце. Чаг поклялся, скрестив пальцы:

– Я отдам вам секрет!

– Правда ли, что наши корабли допустят в земные небеса?

– Лучше пока не строить их пару зефирских лет! – ответил Чаг, спешно прикидывая в уме. – И подлетайте помедленнее на случай... э-э... вспышки в атмосфере!

– Значит, наше давнее оскорбление материнской планеты прощено?

– Да никаких обид, о чем вы!

Его собеседник – видный мужчина преклонных лет, занимавший должность мэра гостеприимного города Матчли, – с извинением произнес:

– Будьте добры, говорите медленнее. Мы уже не понимаем тонкости родного языка.

Пока Чаг говорил, пока увиливал, довольное мурчание в нем вдруг замолчало. Собственно, оно сходило на нет уже давно. Потому что в зале находился тот, от кого его шерсть – *тьфу ты!* – волосы вставали дыбом. И Чаг знал, кто это: тот не-зефирец, что приземлил его корабль и встретил словами, какие не скажет ни один зефирец обожаемому землянину. Но где же он, кто же он?

Оглядывая обожающие лица, Чаг не имел ни малейшего понятия.

Если б только знать, кто тут его не обожает.

И тут в руку Чага скользнула маленькая теплая ладошка. Вздвогнув, он опустил взгляд на самое миленькое личико, что он видел в жизни: миленькая, сочная и вкусная до самых розовых пальчиков ног.

– Ого, привет! – произнес Чаг, показав свою радость от неожиданной встречи тем, что мгновенно развернулся к ней и уделил ей все внимание, до того отведенное сановникам в зале. – Рад знакомству! – подчеркнул он. Уж это никогда не подводило! Вот он – холостяк, под сорок, – а эта восемнадцатилетняя красотка знает, кто он: *знает!*

– Привет-привет, – сказала она. – Ипс!

– Ипс! – повторил Чаг.

– Точняк. Мы, увлеченные подростки восхищенной планеты, хотели бы знать: что на Земле самое оно?

– Что... э-э... самое оно?

– Ага. Фликово. Что за СЛОВО?

– Слово, – повторил Чаг. – Ха! СЛОВО?! А. – И отчаянно искал ответ в мыслях. – Дзынь – вот вам слово!

– Дзынь! – вскрикнула она, вдруг на цыпочках, потом зажала рот. – Хала-ху! Прошу прощения! – сказала она собравшимся чиновникам, которые между тем наблюдали и слушали с какой-то особой кротостью. Но она снова повысила голос – и оказалось, что он у нее тот здоровый, звенящий, музыкальный и женский, что сносит стены.

– Ха, ведьмы планеты! – прокричала она. – СЛОВО – дзынь! Вот что самое оно!

Окрыленные телеэкраны кувыркались и юркали, и в ответ звенело множество голосов.

Чаг понял, что она передает весть всей молодежи планеты (кроме тех, что ушли на охоту на гортов).

– Просто чудесненько, – сказала она, все еще сжимая его руку теплой ладошкой. – Вы прилетели с самой Земли, чтобы дать нам СЛОВО. И «дзынь» уже в моде. Я и сама дзынь-ведьма, если ты в теме. Меня зовут Алиса.

– А меня – Шалтай-Болтай.

– Будьте здоровы, – отозвалась она. – Кстати, сэр Чаг, а вы, случайно, не знаете, э-э, *хотя бы один земной танец?*

– Хотя бы один? Я что, арахисом поштучно торгую, девочка? Гляди! – И ноги Чага принялись выделывать антраша и кабриоли, и его колени джиговали, и его руки где только не были, но наконец хлопнули по бедрам. – Видала? В небесах и на земле – все на одном дыхании.

Она сразу же сомлела. Глаза сошлись к переносице. Чаг воспользовался шансом, чтобы покончить с гложущим опасением. Он ловко развернулся к мэру Матчли.

– Как видите, сэр, – начал он, – я не в курсе вашей иерархии. Есть вы, господа, а есть эта очень дзыневая юная дама, что делает честь несметным подросткам Зефира...

– Тут нет ничего сложного, – успокоили его. – Наша молодежь бдительна, добра, умна и многократно превосходит нас числом. Ипс!

– Ипс, – повторил Чаг и поразился хору «Ипс», что прокатился по залу. К тому же мэр Матчли притоптывал, а его глаза горели и поблескивали, словно в предвкушении – или в каком-то другом чувстве, которое Чаг не узнавал. У Чага и самого чесались ноги. Так и тянуло щелкать пальцами. Зефир – ну что за местечко!

– Господин мэр, – нараспев произнес он, – я еще не прилетел, а ваш народ уже был дзыневый. И я этому ой как рад, ой как рад.

– Он ой как рад, ой как рад, – промычала про себя Алиса, подойдя вплотную и разглядывая его медали на груди.

– И хочу отблагодарить вас всех, да-да, всех, правда хочу, перед тем как продемонстрировать, правда-правда, другие популярные танцы, что были... э-э, что есть на Земле. Но в особенности я бы хотел отблагодарить того ваппо-господина, что посадил мой корабль.

– Ваппо, – ласково повторила за ним Алиса. – *Banno!* – И ее указательный палец выстрелил вверх.

– Причем хотел бы отблагодарить лично, – добавил Чаг, неосознанно притоптывая под оживленную музыку, что теперь откуда-то заструилась!

Хозяин дворца с неким сомнением кивнул и заговорил с помощником; тот перешел на несколько шагов к другому помощнику, тот поговорил со своим помощником – и уже он пропал за дверями. Минуту спустя в зал поспешил еще один помощник и торопливо обратился к мэру, а тот начал багроветь на глазах. Чаг не упустил ни одной детали этой комичной оперы.

«Какого черта!» – думал он в изумлении. Гоняют вопросы по кругу! Никто ничего не знает!

– Прошу прощения, сэр, – сказал он вслух, чувствуя, как в голове неуправляемо щелкают пальцы, – прямо сейчас это не так уж важно, раз пора показать юной даме важные народные танцы старушки Земли. Но...

– Понимаете... – Мэр Матчли утер лицо. – Никто не знает, *кто* в тот час находился в диспетчерской. Вот на планете цивилизованной, как Земля, вас бы посадило томатическое оборудование, но здесь, на Зефире, еще иногда приходится работать нам самим – иногда даже час в день. Вполне возможно, что сохранились записи и мужчина или женщина, что доставили вас в космопорт...

– Мужчина! – перебил Чаг. – Мужской голос!

– Что ж, а может, и нет, сэр Чаг, если позволите. Понимаете, наши водеры обычно запрограммированы на мужской голос...

Чагу стало беспокойно. Число его возможных врагов ни с того ни с сего удвоилось. Здесь кто-то *очень даже знающий* знал кое-что и о нем. А что знал? Может, старине Чагу лучше расколоться и сообщить плохие новости. О Земле. О том, что, ребяташки, и нет никакой Земли-то, нет никаких дзынь-танцев, некому вас больше прощать! Но что тогда будет со стариной Чагом? Если точнее, стариной Чагом, высохшим ошметком земного навоза! Он чуть не разрыдался от этой мысли.

Но сейчас-то... эх!

Он щелкал пальцами и трепетал ногами под невидимую музыку, что включила дзынь-ведьма Алиса.

Сейчас-то он звезда и законный представитель земных миллиардов. Будь что будет.

– Будь что будет, – заявил он своей очарованной публике, наблюдавшей за его трепещущими ногами, забывая, что это сановники, приветствующие законного представителя земных миллиардов. – Будь что будет, – повторил Чаг, замирая в полуприседе. – Так называется новейший горячий танец старушки Земли. Ничего делать не надо! Весь танец проходит в мыслях, и вы в мыслях двигаете мышцами, пока уже не кажется, что вас разорвет.

Все это время воздух разрывает тинтинабула, и когда мы подходим к последним восьми аккордам – тогда и можно дать себе волю. Мы уже взведены, как пружины, и взлетаем в воздух, будто включены антигравы, кружимся, двигаемся и резвимся в вайбе.

И вот тогда – дзынь-милая-ча-ча.

– Дзынь-милая-ча-ча! – взвизгнула Алиса, вскинув руку к губам. – Хала-ху! Прошу прощения! – сказала она остальным.

– Дзынь-милая-ча-ча выглядит так, – сказал Чаг, показывая в ритм. – Прошу прощения, ваша честь.

– Ипс-ипс, – возразил его честь мэр. – Мы все понимаем. – И отступил, освобождая место.

– Иди сюда, юная розовая штучка, – прогудел Чаг, щелкая пальцами. – Следи за моими ногами. Теперь вступаешь ты.

И Алиса вступила. И она знала, что делает. Вместе со стариной Чагом она танцевала для всей планеты – кроме охотников на гортов. Алиса вступила и знала, что делает. Эти ножки с милыми розовыми пальчиками и не такое вытанцовывали.

Алиса хихикала у него под подбородком, ее рыжие пряди на челке складывались в дьявольские рожки.

– Сэр Чаг, а у вас такие острые ушки!

Это уже смущало.

– Не такие уж острые, – рыкнул Чаг. – Следите за языком, мисс.

– Нет, острые! – прохихикала Алиса. – Как у кошки!

– У меня и коготки есть, если хочется знать. И они могут поцарапать!

– Меня уже царапали, мистер! Или у вас коготки поострее?

Вот, значит, как все будет.

И вот так все и было у сэра капитана Рэтча Чага и дзынь-ведьмы Алисы.

Алиса была не только очень дзыневой, но и ведьмой – вы бы сразу поверили, если бы видели, как по ночам они взлетают на антигравных метлах и шпарят по небу на встречи с дзынь-подростками, которые носят модные черные островерхие шляпы и подкручивают колдовские усы. А сэр капитан Рэтч Чаг, осунувшийся и рябой, низкорослый, подлый и коварный до мозга костей, был истинным представителем славы старушки Земли. Зефирская молодежь сразу отразила это столкновение с высшей культурой – переняла стильные мундиры, острые ушки и осунувшийся вид.

– Я разобьюсь! – стонал Чаг однажды ночью в начале своей зефирской карьеры, над сверк-посверкивающими огоньками Пакли – города веселья, где правила молодежь. – Мы гравим на посадку слишком быстро!

– У тебя столько лишних жизней, – ответила мчащаяся Алиса, – что тебе можно не волноваться!

– *Что?* – охнул Чаг. – *У кого* есть лишние жизни?

– *У тебя*, иначе бы ты не *мурчал!* Хала-ху! – воскликнула мчащаяся Алиса подросткам, набившимся на крышу вниз, когда она перевернулась и приземлилась вместе с Чагом, вцепившимся в нее позади. – Ха, ведьмы планеты! Сегодня сэр капитан Рэтч Чаг с обожаемой материнской планеты принес нам калифорнийский шоттиш! Барсучий гавот! Берлинскую польку! Дзынь-а-дейди-ду! По местам – варсовьен!

– Не знаю я никакого барсучьего гавота, – рявкнул Чаг прямо ей на миленькое розовое ушко. – Почему ты почти всегда знаешь то, чего не знаю я?

– А вот знаю, – ответила Алиса, мудро покачнув своими рожками-прядками. – Читала в книжке в одном месте, которое я знаю, под названием Флора. – Пока вокруг роилась обожающая зефирская молодежь и началась музыка в размере четыре четверти.

Вот так все и было, до поры гиацинтов.

Но пора гиацинтов еще дело будущего, а Чаг по характеру был человеком настоящего.

О жизни сэра капитана Рэтча Чага на планете Зефир можно рассказать немало. Он был сенсацией сезона, и следующего, и послеследующего. Он всего-то держал ноту, а перед тем, как она прервалась, подключил барабаны; а потом не давал замолчать барабанам, выдумывая все новые звуки. Собственно, он помог местным музыкальным техникам создать тинтинабулу (перевод случайного движения атомов в оркестрованный звук), чтобы танцевать дзынь-майю. И эти расщепленные звуки привели зефирскую молодежь в восторг.

– Все иллюзия, – рассказывал Чаг зефирской молодежи. – Вот чему учат дзынь-майя и тинтинабула. На самом деле вы не слышите музыку, на самом деле не исполняете движения. Звук расщеплен, чтобы звучать только у вас в голове, а что кажется движением – только нескончаемое созидание.

– Славься, гуру Чаг! – воскликнула порой слишком экзальтированная Алиса.

Жил Чаг во дворце, парящем дворце с большими золотыми орлиными крыльями, чтобы порхать по всей планете. Красота. Конечно, бьющиеся крылья тоже были иллюзией, потому что в них были встроены антигравы, и в движении они обнуляли гравитацию в определенных направлениях, поэтому он и летел, куда хотел, вверх или вниз.

По большей части – вниз, чтобы распробовать бешеную светскую жизнь планеты. Но нередко и вверх, принимая гостей, и все как один обожали его. У него было тридцать комнат для приема гостей, и они ломились от зеленых и желтых мехов гортов на полу и стенах, и от больших просторных диванов, и от мягких пуховых подушек в каждом углу, и от множества зеркал, ловивших косые лучи мягкого и порой кружащего света, что излучался из таинственных уголков на потолки и стены. Тут и там – бассейны с фонтанами, где плавала рыба, и клетки,

где порхали канарейки, и аквариумы с золотыми рыбками. Во дворце Чага можно было воистину расслабиться. Чем Чаг здесь обычно и занимался, когда не приносил земную культуру на Зефир, и не общался с историками, не отбивался от вкрадчивых расспросов зефирских ученых: его мурчащий моторчик работал на полной громкости, а он сам утопал на диване в окружении подушек или в кровати с приоткрытыми глазами, прислушиваясь к приближению слуг, объявляющих гостей. Ах, Чаг был счастлив-счастлив-счастлив. *Вот* чего он искал всю жизнь.

Все портил только один не-зефирец, кем бы он(а) ни был(а): тот, кто знал о нем *все*.

Ух! Лучше и не вспоминать.

Пока его не догнал фронт волны земного изобличающего света, чтобы написать поперек неба всем на обозрение:

ЛЖЕЦ!

Итак, наконец настала пора гиацинтов.

– Какой ты фантазер, – сказала Алиса, милее прежнего и на два зефирских года с половиной (что равняется одному земному) старше. – Вчера ночью ты вышел *на охоту*, как старый котяра; а сам говоришь, будто давал интервью ученым. Ну да ничего.

– Что ж, – сказал Чаг. – Иди сюда.

– Спасибо, – сказала Алиса.

Он и в самом деле вышел на охоту, как старый котяра, – но с самими учеными после исчерпывающего интервью с ними. Они пошли в улетный бар, где обожающие зефирцы наперебой угощали его выпивкой. И после выпивки и того, что улетный бар и в самом деле летал, сменяя грав-скорость с плеском алкоголя в бокалах, Чаг чуть не предложил прокатить всех на своем космическом корабле на сверхсветовой скорости!

Он застонал от одной мысли об этом.

– А что было *потом*? – спросила Алиса, в наслаждении потягивая за его щетинистые усы. – Что случилось после того, как ты сказал, что не прокатишь?

– Ничего!

Вот только кто-то заказал выпивку из томата, и все в баре собрались с тостами вокруг Чага – почитаемого человека с материнской планеты.

– *Что* за выпивка?

– «Голубой гиацинт».

– За сэра капитана Рэтча Чага! – воскликнули обожающие зефирцы, высоко воздев бокалы, и потом гуляки с почтением помогли Чагу вернуться в его небесный дом и какое-то время летали у него перед дверью, распевая пьяную песню, которая звучит так: «Ай! Ай! Ай!»

– Фликово, – сказала Алиса. – Никогда не слышала такую песню и никогда не слышала о таком напитке! Завтра вечером, на фестивале в Резволи, закажем «Голубые гиацинты» и найдем кого-нибудь, кто знает «Ай! Ай! Ай!».

– Нет! – Чаг оцепенел. – Слушай, девочка, здесь я заказываю и я пою. И я не хочу никаких «Голубых гиацинтов»! И не хочу никаких песен «Ай! Ай! Ай!»!

– Почему? – спросила Алиса. – Что не так с «Голубым гиацинтусом»? – спросила она, перевирая название. – Что не так с песней «Ай! Ай! Ай!»? – спросила она, воркуя в его заостренное ушко так, что это напоминала греческую элегию.

Гиацинт! Гиацинт! Гиацинт! Это слово, почти неслышное, стучалось о микросознание Чага с порх-порхом крошечных крылышек.

А потом однажды утром он проснулся и все пошло плохо.

Гиацинт!

Он это почувствовал. Что-то не так – не так, как когда рванула старушка Земля, а по-другому. Будто его пробуждает, как нестройный зов рожка, музыка – старинная музыка, слабая и далекая. Как в старые добрые, когда нападали скримеры!

Вот он в безопасности, высоко над городом в собственном парящем летающем дворце, одной ногой еще в прелестных снах – а что-то не так.

– Привет-привет, старичок, – сказала Алиса, шумно плюхаясь на золотое покрывало его кровати, когда он приоткрыл глаз на щелочку.

– Раньше ты звала меня сэра Чаг, – сказал Чаг. – А теперь я старичок. Что тебя привело?

– Приперла тебе подарок, – сказала Алиса, гордая тем, что усвоила новую лингву, которую Чаг принес на планету почти три земных года назад. – Это аквариум с золотыми рыбками, на который ты засмотрелся в Упли на прошлой неделке, когда учил нас, обожающих зефирцев, чарльстону.

– Чарльстону? Я должен был дойти до него только через полгода, – простонал он вслух, садясь. – Я напился! У меня так танцы кончатся!

– А ты много знаешь. – Алиса пригладила свои рожки и повернула зеркальце, чтобы посмотреть на себя. – Например, харабе тапатио? Это мексиканский танец со шляпами.

– Я-то знаю! Но откуда знаешь *ты*?

– В книжке вычитала, на одной планете, которую я знаю, под названием Флора.

– Флора! Нет такой планеты – Флора!

– Это такая как бы невидимая планета, которую я знаю. Потом еще Чаг-степ. Довольно напористый.

Он буравил ее взглядом.

– А потом, – продолжала она, косясь на него одним глазом, – вальс, который раньше танцевали в месте под названием Дания. Он зовется «Маленький человек в беде»¹⁸.

– ЧТО?

И вот девушка – миленькая беленькая девушка, обожаемая, прелестная девушка, каких встречаешь раз в жизни, что все подначивает и подкалывает. В этом он не сомневался. Она о нем столько знает! Это она помогла сесть его кораблю! Не может быть – нет-нет!

– А как же кадрили? – весело спросила она. – Например, под названием «Кое-кто попал впросак»! Или «Птичка в клетке»? – и она запела:

Вверх, вниз и кругом, и кругом,
Аллеманда влево, аллеманда вправо,
Инго-бинго, не зевай,
Мелкий кот или большой —
Убегай иль УМИРАЙ!

К тому же, – продолжила она, поймав один из изумленных глаз в зеркале, – *есть ли* у тебя полгода?

– Есть ли у меня полгода? – хрипло переспросил с пересохшей глоткой Чаг.

Те маленькие крылышки принадлежали летучим мышам, бившимся в пещерах его чутья. «Гиацинт», – хлопали они так, что он уже не мог скрыться от мерзкого звука.

– Что это еще значит – «есть ли у меня полгода»? – рявкнул он, выпрыгивая из постели в шелковом переливе мандариновой пижамы. А потом испуганно выжал мысль обратно. ГИАЦИНТ!

– И что значит – «золотая рыбка в подарок»? – охнул он. – Я тебя раскусил, девчонка. Ты против меня. И всегда была против!

Я самый уважаемый человек на планете. Я кладезь знаний о материнской планете. Гении пишут обо мне книги. Я важный. Влиятельный. Любимый. Я изменил культурную жизнь несметных подростков Зефира. Дарил им моду, раззадоривал, научил джиттербагу...

---

¹⁸ Практически все упомянутые танцы – настоящие, как и датский вальс «Bitte mand i knibe».

Она оказалась под его подбородком, нажав ему на нос загнутым пальцем. Проворковала:

– Я знаю. Ты тот еще котяра.

– А ты мне что даришь? – ярился он. – Золотую рыбку!

– Но ты же *любишь* золотых рыбок!

– Только чтобы любоваться!

– Для того я их и приперла. А что же еще с ними делать?

– Есть! – рявкнул Чаг. – Как однажды я съем тебя!

Она захихикала.

– Ты и правда кот, – сказала она. – Я поняла с первого взгляда. Ученые взяли хромосомы твоих мамы с папой и замешали в них кошачьи гены, да? Ты вышел из лаборатории, старичок. Вышел мяукая, шипя и царапаясь. А потом приняли закон, потому что больше не хотели видеть котолюдов.

Ты кот, старичок. Поэтому всегда и приземляешься на лапы!

Старина Чаг уже вскочил на ноги и метался, кружился, шипел и бессильно тянул себя за стильные, навощенные, щетинистые усы.

– А ты капельку телепатка? – поинтересовался он.

– Капельку, – призналась она. – Как ты! Фликово, ведь ты всегда *знаешь*, что тебя ждут неприятности – как сейчас. Хочешь познакомиться с моим отцом?

– Видимо, лучше познакомиться. – И Чаг поплелся за ней с глупым видом через все тридцать залов своих заваленных подушками и устеленных мехом хором со всеми шепчущими журчащими фонтанами и сияющими золотыми птичьими клетками, где жил в мечте и мурчащем удовольствии, когда получалось забыть о нагоняющем дьявольском фронте волны света расколотой Земли! Теперь! Скоро! – свет вырвется из времени, как плач ручья, как сок листка!

Уже скоро Алиса стегала лошадь, запряженную в ее двуколку, по солнечным небесам Зефира. Каждый раз, как антиграв-копыта отталкивались от воздуха, двуколка рвалась вперед.

– Пошла! – кричала Алиса, вцепившись в поводья. – Но! – бросила она, и еще одно «но» для разворота налево, и, наконец: «Стой!» Моторы затихли.

У отца Алисы росли рога.

– Это ненастоящие, – застенчиво признался тощий мужчина, снимая головной убор и вешая на воздушный крючок, где тот судорожно заболтался. – Настоящие срезал, когда нас послали с Флоры исследовать культурную жизнь Зефира.

– Флора была нигде, – услужливо продолжила Алиса, стоя рядом с Чагом и поглаживая его по руке. – Нам нечего было делать. *Нечего*. И мы фликово добрались сюда, чтобы привезти с собой обратно танцы, моды и *развлечения*. И знаешь что, старичок? Мы нашли тебя! Как же нам повезло!

Под благожелательным, приятным и чрезвычайно пугающим взглядом этих двоих по Чагу сбегал пот. Он попытался отодвинуться от Алисы и ее поглаживающей руки.

– Ну же, – сказала она, и уголки ее миленьких розовых губок сползли вниз. Чаг устало сел, с гудящей головой. Вот теперь он чувствовал – то ужасное, что было неладно с этой планетой.

– Флора, – пробормотал он.

– Да, – сказал отец, по-прежнему застенчиво. – Флора, жена Зефира, но, так сказать, во временном разводе. Мы прятали свою планету от зефирцев, сделали, так сказать, невидимой, чтобы они нас не уничтожили.

– Зефирцы? Уничтожили? – Чаг вскинул голову.

– О да. – Алиса радостно расположилась на колене Чага и почесывала у него пальчиками под ушком. – Зефирцы бы нас разорвали, если бы знали, что мы на их планете. Вот нам и пришлось спилить рога.

О да. У нас растут рога. Это наверняка из-за климата.

Чак покосился на красавицу, потом с содроганием взглянул в сторону.

– Зефирцы – благородные, добрые, высокие, учтивые и благочестивые. Никого они не тронут!

Алиса и ее отец тихо рассмеялись.

– Гиацинт, – произнес отец, снимая головной убор с воздуха, водворяя на голову и поворачиваясь к зеркалу, чтобы его поправить. – Ты же помнишь, что древнегреческий бог Зефир ревновал к Гиацинту и привел его к гибели. Зефирцы относятся к Земле как к Гиацинту.

Чагу было нехорошо. Он взглянул мимо Алисы в зеркало, где увидел ее внезапно чрезвычайно зловещего рогатого отца.

– Ты – он! – воскликнул Чаг в истерике, когда все его накипевшие страхи сошлись в одном образе. – Тот, кто меня сюда припер! – Он подскочил, словно от смертельной опасности, но подхватил Алису, чтобы она не упала, да так и остался стоять и дрожать.

– Да, – ответил отец, кивая и улыбаясь, как будто самому себе. – Уж прости меня за грубость, но тебя надо было застрашивать, чтобы ты сыграл свою роль убедительнее.

– КАКУЮ роль? – вскричал Чаг.

– А. – Отец поморщился. – Снова-здорово.

Алиса прижалась к мандариновой пижаме Чага, которую он так и не передел. Мечтательно произнесла:

– Мы знали о тебе все, но это неважно. Ты – то, что мы искали, поэтому мы тебя испытывали. Здесь, на Зефире. Но теперь нам пора. На Флору. У тебя наверняка вырастут рога. Ты же понимаешь, Гиацинт?

– Не называй меня Гиацинтом! – Чаг оттолкнул ее, шипя от ярости. Волосы снова чуть не встали дыбом, будто шерсть, и снова он чувствовал, как за ногти тянут выпускные мышцы. Он присел, изогнул спину и махнул лапой в сторону улыбающейся миленькой розовой девушки.

– Меня зефирцы не убьют! – заявил он. – Меня зефирцы обожают!

– Их обожание – барьер для того, чтобы ты не узнал об их ненависти. Ты слишком поспешил выпить «Голубой гиацинт», – сказал отец, уже не такой уж застенчивый.

Он провел пальцем по воздуху, и зеркало, в которое он вроде бы смотрелся, превратилось в телеэкран.

– Вести уже разошлись по всей планете, – сказал он. – «Гиацинт, – кричат они, – Гиацинт!»

Чаг не верил ни глазам, ни ушам. Он видел свой дворец, лениво парящий на золотых орлиных крыльях. Его окружили крылатые аппараты, полные обожающих зефирцев.

Вот только прилетели они явно не для обожания.

– Гиацинт! – кричали они. Оружие в их руках извергало снаряды и лазерные лучи в парящий дворец. – Гиацинт! – доносился устрашающий вопль. Дворец Чага падал.

В его глазах стояли слезы. Алиса с сочувствием пригладила его по затылку.

– Нас они ненавидят давно, – сказала она, – но Землю – еще *дольше!* Они вышли в космос, старичок. Пока ты развлекал нас, обожающих подростков, и наводил на планете полный дзынь, они похищали с твоего корабля секрет сверхсветовой скорости. Они наконец увидели, как взорвалась Земля – всего лишь в полугоде отсюда. Они знают, что ты морочил им голову. Они знают, что Земли можно больше не бояться.

Мы возвращаемся на Флору, старичок. Несметным подросткам Флоры нужны мода, танцы, песни и пара-другая тинтинабул. Там все тебя полюбят. Сможешь делать, что захочешь. Гуляй по ночам, сам по себе, как кот, так сказать. Ипс.

– Ипс, – слабо откликнулся Чаг. Он сдулся, наблюдая за разрушением своего августейшего воздушного дворца. Потом он уже не мог наблюдать. Участь, о которой он так долго старался не задумываться, наконец настигла его. Его мурчащий моторчик затих, Земли нет, и что остается? Как ни странно, много и еще больше. Не успел он пасть на дно, как уже опять взлетал. Его манило новое будущее, не отягощенное волнениями и страхами.

И вот он уже снова мычал песенку себе под нос. И вот страшное мгновение предательства ненавидящих зефирцев осталось позади. Он приоткрыл глаз, чтобы с сожалением взглянуть на догорающие орлиные крылья.

А может, эта ведьма Алиса и правда наконец разглядела в нем важность и талант.

Так уж он надеялся.

– Так ты с нами? – воскликнула Алиса, умоляюще сложив ладошки у него под носом.

– Будь что будет, – вздохнул Чаг с черным видом, когда его дворец рухнул и разбился.

– Будь что будет! – воскликнула Алиса, вскружившись в возбужденных пируэте и фуэте, а потом бросившись в объятия Чага для экстаичного шассе. – Тебе понравится твой новый дом, Старичок. Тебе будет уютно и тепло, мы о тебе позаботимся...

Чаг было напыжился, но горький опыт не давал довериться так просто.

– Хочешь сказать, – с подозрением спросил он, – ты заберешь меня на Флору, как какого-то породистого призового *кота*?

– Хала-ху! – воскликнула Алиса, распахнув глаза. – Откуда вдруг *призовой* кот? Мы скорее думали о простом домашнем!

(Так вот как все будет.)

Послесловие

Хейт-Эшбери, 1966 год. Я приезжал туда на десять дней в ноябре того года, жил в полухиппанской квартире моих двух сыновей и еще кого-то. Один сын работал, другой учился в Университете штата в Сан-Франциско, а третий парень работал в ночную и днем пытался выспаться. Тела приходили и уходили в любое время суток. Там стоял музыкальный центр. Разносились на ветру коровьи му-у Боба Дилана; гитарилла Джоан Баэз. После первого потрясения я особенно полюбил и по-прежнему люблю обоих. Еще были Моцарт, Бетховен, Бах, на тихой громкости. Была еда, которую ели и приносили кто угодно. Как правило, на кухне и в спальне царил беспорядок; внезапно кто-нибудь принимался убирать. Кастрюль не было как класса (или я об этом не знал). Старший сын вручил мне стопку комиксов «Марвел» и удивил тем, что Стэн Ли и его слова вошли в религию субкультуры Беркли/Хейт-Эшбери. Меня заворожили Халк, принц Нэмор из Атлантиды, Фантастическая Четверка, Доктор Стрэндж, Могучий Тор и все остальные. Я свисал с кровати, читал комиксы на полу и чревоугодничал всласть.

В мой первый день, в воскресенье, я ходил с сыновьями и их друзьями пить пиво в «Панхэндл» у Голден-Гейт-Парка, где происходил лав-ин¹⁹. Тогда как раз зарождались «дети цветов». Девушки с раскрашенными лицами и босыми грязными ногами. Голые по пояс и раскрашенные мужчины танцевали под странные восточные инструменты. Краски, кисти и рамы с приколотой бумагой для всех, кто хочет художественно самовыражаться. Рок-группа разрывала воздух. Пары танцевали, шалили, лежали. Люди постарше – очень кубические²⁰, вроде меня, – наблюдали. Дети носились, вопили, плясали, пели, инстинктивно знали, что делать, – всем старше десяти лет об этом приходится сознательно задумываться.

На второй день мой старший неуверенно спросил, не хочу ли я прокатиться на их мотоцикле сзади. «Машины у нас нет». Я был против. Заводясь, мотоцикл – со мной, усаженным сзади, – издал звук вроде «рэтч-чунг». Сын пояснил, пока его голос задувало мне в уши ветром: «Такой звук и ожидаешь от механизированной культуры». Мы покатали по Коул-стрит, мимо психоделических магазинов, маленьких ресторанчиков, магазинов мороженого, где торговали молодые люди со скромными осанками и индейскими головными уборами, девушки – молодые и постарше – улыбались в надежде, что любовь придет навсегда, не зная, что цикл, как всегда, неизбежен – но это уже другая история.

На следующий день, когда у меня выдалась куча свободного времени, я прогнал кота с заднего крыльца, откуда он воровал корм котика поменьше, потом сел за пишмашинку с бумагой и без особого труда накатал десять дурацких страничек. Старший сын прочитал их и подел: это я что, вдохновлялся комиксами «Марвел»?

– Вроде бы нет, – ответил я.

– Снова начал писать, пап? – спросил Младший. – Наверное, этот рассказ стоит доделать. Я сказал, что обязательно доделаю... когда-нибудь; пришлось пообещать.

Все вышеуказанное рассказывает, как сливались воедино разные элементы рассказа. В нем не предполагались тема или смысл, это не попытка решить общественные проблемы. Я не старался сделать его злободневным.

Рассказ был закончен и немного переписан для «Новых опасных видений», но уже не такой, как вначале. Первый был о священнике, который заявлял, будто быстрее скорости света в нашей Вселенной ничего нет, и с божьей помощью попал на альфу Центавра *мгновенно*. Я

¹⁹ Лав-ин – мирные собрания хиппи времен 60-х с медитациями, музыкой, сексом и употреблением наркотиков, часто – протестные.

²⁰ Отсылка к слову *square* (квадратный) – название непрогрессивных обывателей среди хиппи.

не мог решить трудности этой темы и вернулся к тем почти забытым десяти страничкам из утраченного мира Сан-Франциско. А значит, это тост за Кита и Джеффа.

Предисловие «Слово „лес“ означает „мир“»

«Слово „лес“ означает „мир“»

Трудность не в том, *что* сказать о невероятной Урсуле Ле Гуин, а в том, с чего *начать*.

Начать ли с того, сказал он, что она, вне всяких сомнений, самая элегантная писательница во всем мире НФ? Пожалуй. Хотя бы чтобы развить мысль, что отдельные люди в нашей жизни одарены такими грацией и *стилем*, что остальные из нас кажутся садовыми слизняками. Даже недолго побывать в обществе Урсулы – значит обогатиться, хотя и невозможно уйти без мысли, что у вас самих и всех вокруг изящество уровня баскетбольной команды паралитиков под руководством Фреда Астера.

Она остроумная, сильная, экспрессивная и еще раз экспрессивная, мудрая, эрудированная, общительная и заряжающая энергией, неземная, грациозная, оптимистичная и рассудительная. Не жертвуя ни единой искоркой женственности, она подчиняет все внимание своей уникальностью, требуя с ней считаться; уверен, Урсула Ле Гуин и есть тот образец, к которому стремятся агитаторы за права женщин. Короче говоря, она динамит.

Еще она курит трубку... но не на людях.

Еще она чертовски хорошо пишет.

В 1970 году Урсула получила «Небьюлу» и «Хьюго» за роман «Левая рука тьмы». Вы его, конечно же, читали, а значит, незачем и распространяться лишний раз о его высоком уровне. И все-таки можно со всей уверенностью заявить, что за последние годы ни один победитель в этой категории не делал «Небьюле» и «Хьюго» больше чести.

Урсула Кребер Ле Гуин родилась в Беркли, штат Калифорния, в 1929 году; дочь антрополога Альфреда Л. Кребера и Теодоры К. Кребер, автора книг «Иси в двух мирах», «Сухопутный кит» (*The Inland Whale*) и других не менее впечатляющих произведений. (Любопытно, что в справочнике «Современные авторы», тт. 5–8, я указан рядом с матерью Урсулы. Но самой Урсулы там нет. Им там может кто-нибудь тактично намекнуть?)

Урсула выросла в Беркли и долине Напа. Получила диплом бакалавра в Редклиффе и магистра – в Колумбии, по литературе французского и итальянского Возрождения.

Она познакомилась с Чарльзом А. Ле Гуином и вышла за него, когда оба учились по стипендии Фуллбрайта во Франции. Он теперь профессор истории Франции в Портлендском колледже штата, Орегон; они прожили в Портленде десять лет. У них трое детей: Элизабет, Кэрлайн, Теодор.

В 1968–1969 годах Урсула с мужем ездили в академический отпуск в Англию; в июле 1969-го вернулись в Портленд, но в пути присылали немало чудесных писем, отрывки из которых я приведу здесь в качестве образцов чистой Урсулы.

Вот пример:

«Знаешь, у лондонских автобусов есть два этажа и полувинтовая лесенка, курение разрешено только на втором этаже (и зимой, с „Вудбайнами“ и бронхитом, это нечто среднее между туберкулезной палатой и пожаром в сауне, пока тебя трясет по темным диккенсовским переулкам, набитым мини-карами и мини-юбками), – никогда не успеешь взобраться по лесенке,

как автобус уже рвется дальше и кондуктор/ша кричит: „Гля, не упади!“ или „Слышь, ты там держись!“ – или, если родом из Вест-Индии, то напевает на красивом родном наречии (английском): „Пожалуйста, держитесь крепче!“ А если нет, тебе конец. Двери нет».

А что скажете о таком резюме встречи:

«Мы были в академическом отпуске, не считая детей, которые учились в местной школе и приобрели превосходное образование и акцент кокни. Жили мы в унылом боро на севере Лондона под названием Ислингтон – это длинные ряды высоких домов, словно слипшиеся вместе чумазы ириски, торчащие напротив ряда чумазных ирисок напротив. Ко времени отъезда мы уже считали эти улицы прекрасными и полной грудью вдыхали выхлопные газы лондонских красных двухэтажных автобусов, словно приморский воздух. А все благодаря доброте англичан (считая пакистанцев, индийцев, греков, итальянцев и так далее), среди кого мы проживали в Ислингтоне. Мы вдыхали сам Дух. У многих лондонский воздух вызывает астму, однако оно того стоит. Англичане цивилизованнее кого угодно на свете. А еще Англия – удобная страна для интровертов; в их обществе всегда есть место интроверту, чего не скажешь о Соединенных Штатах. На самом деле в Лондоне найдется место всему; здесь отыщешь все, что пожелаешь, от организованных дьявольских извращений а-ля барон де Шарлю до леденцов, которые меняют цвет, чем больше их лижешь. Здесь и впрямь есть *все*. Но самое лучше, самое славное – это доброта».

Доброта стоит для Урсулы Ле Гуин на первом месте, и раз уж я здесь заведу ее библиографией, расскажу о ее любезности, обобщающей всю дивность Ле Гуин.

Не считая «Левой руки тьмы» и блестящего рассказа для *Playboy* «Девять жизней», Урсула Ле Гуин написала следующие романы (все доступны в мягкой обложке от *Ace*): «Планиета Роканнона», «Планиета изгнания», «Город иллюзий» и «Волшебник Земноморья». И это вдобавок к стихам в «маленьких» журналах и рассказам в журналах и таких сборниках, как *Quark* и *Orbit*. На данный момент ее последние произведения – «Гробницы Атуана» (*Atheneum*) и «Резец небесный» (*Scribner's*). Покончив с формальностями, перейду наконец к урсулинциденту, после которого я стал ее рабом навек.

В 1970-м в Беркли Американская ассоциация писателей-фантастов сочла уместным вручить «Небыюлы» и Урсуле, и мне, о чем я уже упоминал (не только для ее вящей славы, но и подпитывая свое ненасытное эго). Один замечательный вечер в те выходные «Небыюлы» прошел в обществе Урсулы, НФ-писателя Нормана Спинрада, миз Терри Шампейн (автора самого выдающегося фантастического ужасика о тараканах), неизменно популярной миз Луизы Фарр и еще одной пары – память неуверенно подсказывает, что это были Грег Бенфорд с его прелестной женой. Мы ходили в афганский ресторан, где, если мне снова не изменяет память, я *не устроил* сцену, то есть вечер можно считать историческим событием. Потом мы поднялись на холмы Беркли, в замечательный деревянный дом матери Урсулы. Познакомившись с ней, легко понять, откуда у ее дочери элегантность и стиль. Это один из самых приятных вечеров в моей жизни, полный *bon mots*²¹ и просвещенных бесед, но меня не отпускало ощущение (вызванное, заверяю вас, исключительно мной самим), будто я оборванец при дворе. Ничто в поведении Урсулы и ее семьи не укрепляло нарастающий комок самобичевания... это попросту из тех мелких гложущих сомнений в личной важности, что испытываем все мы в обществе очень талантливых, очень красивых, очень богатых или очень знатных. Это нисколько не мешало получать удовольствие от вечера.

На следующий вечер, после «Небыюлы» – церемонии награждения, полной травматических событий, – Урсула Ле Гуин одним-единственным жестом доказала, как глупо даже самым уверенным из нас предаваться подобным самоуничужениям.

---

²¹ Острот (*фр.*).

Среди номинантов тем вечером в небольшой столовой отеля «Клермонт» присутствовали Норман Спинрад (конкурент Урсулы со своим романом «Жук Джек Баррон»); Фриц Лейбер (состязавшийся со мной за лучшую повесть со своим «Кораблем призраков»); Чип Дилэни, Грег Бенфорд и снова Норман – все против «Девяти жизней» Урсулы в категории короткой повести; а также Ларри Нивен (чей рассказ «Незадолго до конца» выступал против моего «Разбит, как стеклянный гоблин»). Накаленный момент. Когда «Левая рука тьмы» Урсулы обошла Желязны, Браннера, Силверберга, Воннегута и Спинрада... Норман впал в уныние, что расплзлось ядовитыми миазмами по всему часовому поясу. Когда я получил награду, очаровательная дама, сидевшая с Фрицем Лейбером, ударилась в слезы, а Карен Андерсон, писательница и жена Пола Андерсона, поглядывала с таким видом, будто готова перерезать мне глотку. Когда «Небьюлу» за короткую повесть забрал Сэмюэль Р. Дилэни, уже Грег и Урсула стали этюдом противоречивых эмоций, а Норман стек под стол. Слава богу, награду за рассказ получил Силверберг, потому что, отхвати я в тот вечер сразу две награды, Ларри Нивен с радостью бы меня прикончил. Присутствовавшие лично – Урсула, Чип и я (Силверберг получил награду на банкете в Нью-Йорке, счастливо избавленный от конкурентов) – нехотя поднялись на сцену и приняли трофеи, пристыженно промямлили пару слов и снова уползли. Никогда я еще не чувствовал себя таким виноватым из-за награды.

Вскоре после этого, когда гости разбились на группки, я оставил доброжелателей, чтобы поздравить Урсулу с получением наверняка лишь первой из множества премий. Она сидела за столом в окружении множества людей. Ее «Небьюла» стояла на столе. Свою я держал в руках. Ее была красивее. Я их подменил. (Наши имена и названия рассказов выгравированы на основании, так что это очевидная шутка.) Я дожидался момента, когда Урсула заметит, что у нее моя «Небьюла», а у меня – ее: мой способ ее похвалить. Но этот момент так и не настал.

Одна из стоявших рядом дам, склонная к истерике – завопила во все горло: «Урсула! Урсула! Он украл твою „Небьюлу“! Он украл твою „Небьюлу“, Урсула, Урсула!!!» – и судорожно разрыдалась.

Я запаниковал и быстренько поменял их обратно, когда Урсула, вдруг угодив в сцену, пыталась сориентироваться и сообразить, что происходит.

– Эй, спокойно, это всего лишь розыгрыш, – сказал я дрожащей даме. – Все-таки у нас обоих «Небьюлы».

На что та дама прошептала:

– Да, но у нее – за роман, а не рассказ.

Я никогда не получал премию за роман – и та дама это знала, – так что ее замечание погрузило меня в то, что у нас, в бомонде, зовется кромешным мраком. Радость вечера – если еще была – померкла, слезы у спутницы Фрица Лейбера побежали сильнее, а я чувствовал себя, как полтора фунта гамадрильего дерьма.

Я было побрел прочь, как вдруг почувствовал на своей руке чью-то ладонь. Это была Урсула. Я оглянулся, и она смотрела на меня с выражением, говорившим: «Я все понимаю, забудь, о чем она говорила, и в порядке мир²²».

Мое настроение тут же воспарило, как дирижабль «Гудьер». И мой вечер был спасен.

Всего один только добрый жест говорит об Урсуле К. Ле Гуин больше, чем все биографии, какие только можно написать.

А в завершение прошу оценить расположение ее очень длинной и очень хорошей повести в книге. Это второе художественное произведение (как говорилось выше, у Хейденри было «вступительное слово»). В начале моей карьеры составителя антологий меня научили, что мудрый редактор ставит самый сильный материал в начале и в конце. Начал я с Роклинна из-за его

---

²² Отсылка к стихотворной драме Роберта Браунинга «Пиппа проходит»: «Бог в своих небесах, и в порядке мир» (пер. Н. Гумилева).

силы и значения как автора для жанра. А поскольку у меня были три сверхдлинных произведения – в начало, в середину и в конец, – мне хотелось отобрать то, от чего читатели офигеют.

Даже если не брать ее изумительность, одни уже слова Урсулы Ле Гуин завоевали сердце, память и лучшее место в книге.

Слово «лес» означает «мир» Урсула Ле Гуин

1

Когда капитан Дэвидсон проснулся, в его памяти всплыли две вчерашних новости, и какое-то время он валялся, разглядывая их в темноте. Одна хорошая: прибыла новая партия женщин. Подумать только. Они уже здесь, в Центрвилле, в двадцати семи световых годах от Земли и в четырех часах на вертушке от лагеря «Смит», вторая партия баб для размножения в колонии Новое Таити, чистые и здоровые, 212 голов первоклассной человеческой породы. Ну или вполне первоклассной. Вторая – плохая: отчет с Помоечного острова о неурожае, массовом вымывании земель, падеже. Хоровод из 212 пышных плодовых грудастых фигурок поблек в разуме, когда Дэвидсон увидел, как дождь льется на возделанную землю, превращает ее в слякоть, разбавляет до красного бульона, утекавшего по камням во взбаламученное дождем море. Эрозия началась, когда он еще не переехал с Помоечного острова в лагерь «Смит», и сейчас, одаренный исключительной памятью – той, что еще зовут эйдетической, – он помнил это слишком хорошо. Похоже, этот яйцеголовый Кис прав, и там, где планируешь заниматься земледелием, надо оставлять побольше деревьев. Но тогда Дэвидсон еще не понимал, зачем соевой ферме переводить столько площади на деревья, если подходить к делу научно. Вот в Огайо было совсем не так: хочешь кукурузу – сажай кукурузу, и не надо расходовать место на деревья или еще что. Но Земля – это прирученная планета, а Новое Таити – нет. Вот зачем он здесь: приручать. Если Помоечный остров теперь только голые скалы да овраги, то и черт с ним; лучше начать на новом острове и в другой раз уже быть умнее. Нас ведь не остановишь, мы настоящие Мужики. И скоро ты поймешь, что это значит, ты, проклята богом забытая планетка, подумал Дэвидсон и слабо ухмыльнулся во мраке хижины, потому что он любил сложности. Задумавшись о мужиках, вспомнил он и женщин – и вновь по его разуму поплыла череда маленьких фигурок: улыбаются, пляшут.

– Бен! – проревел он, вскочив и опуская босые ноги на голый пол. – Готовь кипяток, живо-быстро!

Рев разбудил его самого. Легкими движениями он потянулся, почесал грудь, натянул шорты и вышел из хижины на солнцепек. Он был крупным мускулистым мужиком и наслаждался своим натренированным телом в действии. Бен, его суц, уже поставил воду на огонь,

как обычно, и теперь присел, таращась в пустоту, – как обычно. Суши никогда не спят – только сидят и таращатся.

– Завтрак. Живо-быстро! – скомандовал Дэвидсон, забирая бритву с необработанного дощатого стола, где ее приготовил суц вместе с полотенцем и поставленным зеркальцем.

Сегодня предстояло много дел, потому что он решил – в последний момент перед тем, как встать, – слетать на Центральный и самому проинспектировать баб. Надолго их не хватит – двести двенадцать на две тысячи мужиков, – и, как и в первой партии, там наверняка больше невест колонистов и только двадцать-тридцать – работницы сферы досуга; зато те, что есть, телки хорошие да жадные, и в этот раз он своего не упустит, будет первым в очереди. Он ухмыльнулся левой щекой, подставляя правую под жужжащую бритву.

Старик суц мешкал и не торопился нести завтрак с кухни.

– Живо-быстро! – прикрикнул Дэвидсон, и Бен перестал бескостно ползать и перешел на шаг. Бен был метр ростом, а его шерсть на спине – уже скорее белая, чем зеленая; совсем старик, и бестолковый даже для суца, но Дэвидсону это всегда давалось просто – мог приручить любого, если оно того стоило. Обычно не стоило. Навези сюда народа, производи машины и роботов, строй фермы да города – и никто больше и не вспомнит о суцах. Да и скатертью им дорожка. Ведь эта планета, Новое Таити, буквально создана для людей. Тут бы прибраться да вычистить, вырубить темные леса, чтобы сменить на открытые поля злаковых, истребить первобытную хмарь, дикость и невежество – и будет тебе рай, натуральный Эдем. Получше, чем уставшая Земля. И это будет его планета. Вот кто такой Дон Дэвидсон в глубине души: укротитель миров. Он не любил хвастать, но сам себя знал. Таким уж он родился. Знал, чего хотел и как это получить. И получал всегда, без исключения.

Завтрак тепло улегся в желудке. Хорошее настроение не испортилось даже с появлением Киса Ван Стена – толстого, бледного и нервного, с глазищами выпученными, как голубые мячики для гольфа.

– Дон, – начал Кис, не здороваясь, – дровосеки на Делянках опять бьют красных оленей. В задней комнате Салуна лежат восемнадцать рогов.

– Еще никто не смог помешать браконьерам браконьерствовать, Кис.

– Ты можешь. Мы для этого и живем на военном положении, для этого колонией и управляет армия. Чтобы соблюдать законы.

Лобовая атака от Яйцеголового Жиробаса! Чуть на смех не пробило.

– Ну хорошо, – миролюбиво ответил Дэвидсон. – Могу я их остановить. Но, слушай, мне в первую очередь надо думать о людях – это моя работа, ты сам так говоришь. Главное – люди. Не звери. Если чуточку незаконная охота помогает людям сносить эту проклятую жизнь, я готов смотреть сквозь пальцы. Надо же им как-то развлекаться.

– У них есть игры, спорт, хобби, кино, телезаписи всех главных спортивных событий прошлого века, алкоголь, марихуана, галики и новая партия женщин на Центральном острове. Они избалованы донельзя, твои герои фронта, и им вовсе не обязательно истреблять редкий вид «ради развлечения». Если ты ничего не сделаешь, я укажу тяжелое нарушение Экологических протоколов в своем отчете для капитана Госса.

– Указывай, если считаешь нужным, Кис, – ответил Дэвидсон, никогда не терявший самообладания. Это жалкое зрелище, когда евро вроде Киса багровеет, горячится. – Это все-таки твоя работа. Я не обижусь; пусть нас рассудят в Централке и решат, кто прав. Понимаешь, Кис, ты хочешь сохранить здесь все как есть, собственно. Сделать один большой заповедник. Чтобы любоваться, изучать. Прекрасно, ты же спец. Но, понимаешь, мы-то – обычные работяги, которые делают дело. Земле нужна древесина, и нужна срочно. Мы нашли древесину на Новом Таити. И мы лесорубы. Видишь, мы с тобой отличаемся тем, что для тебя Земля – не на первом месте, собственно. А для меня – да.

Кис покосился на него своими голубыми мячиками для гольфа.

– Неужели? Хочешь переделать эту планету по образу и подобию Земли? В цементную пустыню?

– Когда я говорю «Земля», Кис, я имею в виду людей. Мужиков. Можешь трястись над своими оленями, деревьями и фибротравой, сколько хочешь, это дело твое. Но я предпочитаю видеть вещи со стороны, сверху донизу, и пока что наверху – люди. Сейчас мы здесь – и эта планета будет жить по-нашему. Нравится – не нравится, а придется тебе с этим смириться – таков уж порядок вещей. Слушай, Кис, я тут собирался прошвырнуться на Центральный и взглянуть на новых колонисток. Ты со мной?

– Нет уж, спасибо, капитан Дэвидсон, – ответил спец, направляясь к хижине с лабораторией. Рассердился всерьез. Так распереживался из-за каких-то чертовых оленей. Животные они, конечно, замечательные. В эйдетической памяти Дэвидсона предстал первый, которого он увидел, здесь, на Земле Смита: большая красная тень, два метра в холке, увенчан узкими золотыми рогами – стремительное отважное животное, лучше дичи и представить нельзя. На Земле для этого теперь, когда повывелись почти все настоящие, пользовались робо-оленями, даже на Высоких Скалистых горах и в Гималайских заказниках. А местные – мечта охотника. Значит, на них будут охотиться. Черт, на них охотились даже дикие сушцы со своими жалкими игрушечными луками. На оленей будут охотиться, потому что для этого они и созданы. Но бедный старый сердобольный Кис этого не понимает. Вообще-то он головастый малый, но не реалист, не мыслит трезво. Не понимает, что ты либо играешь на стороне победителя, либо проигрываешь. А побеждает всегда Человек. Конкистадор.

Дэвидсон широким шагом прошел по поселению – в глаза светило утреннее солнце, в теплом воздухе сладко разливались ароматы распиленного дерева и дыма костров. Для лагеря лесорубов здесь все было устроено четко. Двести мужчин укротили немалый участок дикости всего за три зем-месяца. Лагерь «Смит»: пара больших сфер из коррупласта, сорок бревенчатых хижин, построенных сушцами, лесопилка, печь для отходов, пускающая голубой дым над краями бревен и досок; выше по склону – летное поле и большой модульный ангар для вертолетов и тяжелой техники. Всего-навсего. Но когда они только прибыли, здесь не было ничего. Деревья. Темная, дремучая, непроходимая чащоба – без конца и без смысла. Ленивая речушка, заросшая и задушенная деревьями; пара поселений сушцей, скрытых меж стволов, красные олени, волосатые обезьяны, птицы. И деревья. Корни, стволы, ветки, сучья, листья, листья над головой и под ногами, лезут в рожу и в глаза, бескрайняя листва на бескрайних деревьях.

Новое Таити в основном состояло из воды – поверхность теплых мелководных морей местами нарушалась рифами, островами, архипелагами и пятью большими Землями, что раскинулись дугой в 2500 километров по Северо-Западному Четвертьшарию. И все эти клочки и кляксы суши заросли деревьями. Океан; лес. Вот и весь выбор на Новом Таити. Вода и солнце – или тьма и листья.

Но теперь люди покончат с тьмой и превратят лесные заросли в гладкие доски, что на Земле дороже золота. Причем буквально, потому что золото можно добывать из морской воды и из-под льдов Антарктиды, а древесину – нет; древесину дают только деревья. А на Земле это была очень нужная роскошь. И тогда древесиной стали леса на других планетах. За три месяца двести мужиков с робо-пилами и грузовиками уже прорубили на Земле Смита Делянки шириной в восемь миль. Пни ближайшей Делянки уже побелели и подгнили; после химической обработки они рассыплются в плодородный прах к тому времени, когда континент придут осваивать постоянные колонисты, фермеры. Фермерам останется только засеивать семена и ждать всходов.

Причем не в первый раз. Вот в чем странность – и, собственно, доказательство, что Новое Таити создано для людей. Сюда все занесло с Земли, около миллиона лет назад, и эволюция

развивалась настолько схожим путем, что все узнается с первого взгляда: сосна, дуб, орех, каштан, ель, падуб, яблоня, ясень; олень, птица, мышь, кошка, белка, обезьяна. Гуманоиды с Хайн-Давенанта, конечно, утверждали, что побывали здесь в то же время, когда колонизировали Землю, но этих инопланетян послушать – и окажется, что они освоили все планеты в Галактике и изобрели все, от секса до канцелярских кнопок. Теории насчет Атлантиды звучали куда реалистичнее, и Новое Таити вполне могло оказаться затерянной колонией атлантов. Но здесь люди вымерли. А все, что развилось на замену местных из обезьян, – это суши, метр ростом и обросшие зеленым мехом. Как инопланетяне – вполне стандартные, но как люди – осечка, ни к чему не пришли. Может, пришли бы через миллион лет. Но раньше прибыли конкистадоры. Теперь эволюция двигалась не с темпом «одна случайная мутация раз в тысячелетие», а со скоростью космических кораблей Земного флота.

– Эй, капитан!

Дэвидсон обернулся, помешкав только микросекунду, но и это его раздражало. Было что-то в этой чертовой планете – в золотом солнечном свете и подернутых дымкой небесах, в мягких ветрах, веющих лиственной плесенью и пылью, – отчего легко замечаться. Вот так замечтаешься о конкистадорах, судьбе и прочем – и не заметишь, как станешь тупым и неповоротливым, как суши.

– Доброе утречко, Ок! – бодро бросил он бригадиру лесорубов.

Черный и жилистый внешне, как стальной трос, Окнави Набо был полной противоположностью Киса – но подошел с тем же встревоженным видом.

– Найдется полминутки?

– Конечно. Что тебя волнует, Ок?

– Да эти мелкие засранцы.

Они прислонились спиной к покосившемуся штакетнику. Дэвидсон запалил первый косяк за день. Грел солнечный свет, голубоватый от дыма. Лес за лагерем – невырубленная полоса в четверть мили шириной, – переполнялся тихими нескончаемыми хрустящими, фырчащими, шуршащими, жужжащими, серебристыми звуками, которыми и положено переполняться лесу по утрам. Поглядишь – и все равно что Айдахо в 1950-м. Или Кентукки в 1830-м. Или Галлия в 50 году до нашей эры.

– Ти-вит, – сказала далекая пташка.

– Пора от них избавляться, капитан.

– От вещей? О чем ты, Ок?

– Отпусти их уже. Не могу заставить их работать на лесопилке так, чтобы их стоило держать. Или терпеть от них головную боль. Они просто ни в какую не работают.

– Работают, если знать, как заставить. Лагерь же они построили.

На обсидиановом лице Окнави застыло кислое выражение.

– Ну, у тебя, видать, к этому дар. У меня – нет. – Он помолчал. – На курсе прикладной истории, который я прошел на подготовке к Далекому космосу, говорилось, что от рабства никогда не было пользы. Это неэкономично.

– Ну правильно, только у нас не рабство, Ок, друг ты мой. Рабы – это люди. А когда разводишь коров, ты разве зовешь их рабами? Нет. И польза от них есть.

Бригадир бесстрастно кивнул, но сказал:

– Они слишком мелкие. Я пытался поморить голодом самых мрачных. Так они просто сидят и голодают.

– Они мелкие, спору нет, но не заблуждайся, Ок. Они крепкие; у них поразительная выносливость; и они не чувствуют боли, как люди. Вот о чем ты забываешь, Ок. Кажется, ударить такого – как ударить ребенка. Но поверь, это все равно что ударить робота, чувствуют они не лучше. Слушай, что я тебе рассказываю, ты сам спал с их бабами и знаешь, что они как будто ничего не чувствуют, ни удовольствия, ни боли, лежат себе, как матрасы, как ты ни

изгаляйся. Они все такие. Наверное, нервы не так развиты, как у людей. Скорее как у рыб. Расскажу один странный случай. Когда я еще был в Централье, до перевода сюда, на меня напал один из прирученных самцов. Знаю, нам говорят, будто они никогда не сражаются, но этот совсем уже спла, крыша поехала, и мне еще повезло, что он был не вооружен, а то бы там меня и убил. Мне пришлось его чуть ли не прикончить, чтобы он от меня отцепился. А он все лез и лез. С ума сойти, сколько он вытерпел и бровью не повел. Как какой-то жук, которого надо давить и давить, потому что иначе он не понимает. Ты посмотри. – Дэвидсон склонил стриженную ежиком голову, чтобы показать заскорузлую шишку за ухом. – Почти контузия. И это уже после того, как я сломал ему руку и растоптал рожу в клюквенный соус. Все лез и лез. Вот что главное, Ок: эти сущеныши ленивые, тупые, коварные и не чувствуют боли. С ними надо жестче и спуску не давать.

– Да не стоит оно стараний, капитан. Чертовы мелкие мрачные зеленые говнюки: не дерутся, не работают, ничего не делают. Только мне на нервы действуют. – Добродушие в ворчании Окнави не могло скрыть упрямство. Он не бил сущей не потому, что они такие маленькие; это было ясно Оку – а теперь стало ясно и Дэвидсону, и он сразу смирился. Он знал подход к людям.

– Слушай. Ок. Попробуй так. Выбери зачинщиков и скажи, что дашь им дозу галлюциногена. Меск, лайс – что угодно, они их все равно не различают. Но зато боятся. Не перестарайся – и у тебя все получится. Я тебе гарантирую.

– А почему они боятся галиков? – с любопытством поинтересовался бригадир.

– А я почему знаю? Почему бабы боятся крыс? Не жди логики от баб или сущей, Ок! К слову, я сегодня утром махну на Центральный – подобрать тебе какую-нибудь колли?

– Главное, не подбирайся ко всем сразу, чтобы мне на увольнительной что-нибудь досталось, – ухмыльнулся Ок. Мимо прошла группка сущей, тащила длинную балку для клуба, который строился у реки. Фигурки еле плелись, волокли балку, как кучка муравьев – дохлую гусеницу, угрюмо и неуклюже. Окнави проводил их взглядом, сказал:

– Факт есть факт, капитан: у меня от них мурашки.

Странно это было слышать от сурового и молчаливого мужика вроде Ока.

– Ну, я-то с тобой согласен, собственно: они не стоят возни или риска, Ок. Если бы не этот старпер Любов или если бы полковник хоть раз отступил от Устава, думаю, мы бы вычищали области, которые заселяем, вместо этой самой «добровольной рабочей силы». Рано или поздно их вытеснят, и лучше рано, чем поздно. Таков уж порядок вещей. Примитивные расы всегда уступают дорогу цивилизованным. Или ассимилируются. Но стаю зеленых обезьян попробуй ассимилируй. К тому же, как ты сам сказал, они достаточно умны, чтобы им не доверять. Как те большие обезьяны, которые жили в Африке, как их там звали...

– Гориллы?

– Во-во. Здесь нам лучше без сущей, как было лучше без горилл в Африке. Они стоят у нас на пути... Но Папаша Динг-Донг говорит – пользоваться трудом сущей, вот мы и пользуемся трудом сущей. Пока что. Разобрались? Тогда до вечера, Ок.

– Да, капитан.

Дэвидсон зашел отметить о том, что забирает вертушку, в штаб «Смита»: куб из сосновых досок четыре на четыре, два стола, кулер с водой, лейтенант Бирно, ковыряющийся в неисправной рации.

– Не сожгите сегодня без меня лагерь, Бирно.

– Привезите мне колли, кэп. Блондиночку. 86–56–90.

– Боже, а больше ничего не надо?

– Люблю, когда они грудастые, а не обвисшие, – Бирно выразительно описал предпочтительные формы в воздухе. Дэвидсон с ухмылкой поднялся по склону к ангару. Взлетев на вертолете над лагерем, он окинул его взглядом: детские кубики, линии тропинок, длинные и щети-

нистые от пней просеки – все меньше, пока вертолет забирал выше, и тогда глазам предстала зелень нетронутых лесов большого острова, а за той темной зеленью – бледная зелень моря без конца. Теперь «Смит» стал желтым пятнышком, каплей на обширном зеленом полотне.

Дэвидсон перелетел через пролив Смита и лесистый кряж с высокими отрогами, тянувшийся на севере Центрального острова, и к полудню приземлился в Центрвилле. С виду почти как город – по крайней мере, после трех месяцев в лесу; здесь тебе и настоящие улицы, и настоящие здания – построенные с тех пор, как четыре года назад основали Колонию. И не догадаться, каким Центрвилл раньше был хлипким пограничным поселком, пока не отойдешь на полмили к югу и не увидишь, как над пнями и бетонными площадками торчит золотая башня выше чего угодно в городе. Не самое большое судно, но здесь казался исполином. И ведь это только катер, посадочный модуль, шлюпка; а сам ПСС-корабль, «Шеклтон²³», находился на высоте в полмиллиона километров, на орбите. А катер – только намек, только намек на величие, мощь, золотую точность и размах звездодных технологий Земли.

Вот почему при виде корабля из родного дома на глазах Дэвидсона на миг выступили слезы. Он этого не стыдился. Он был патриотом – таким уж родился.

Но уже скоро, когда он шел по улицам с широкими видами на пустоту в обоих концах, на его лицо вернулась улыбка. Потому что бабы и правда были здесь, и сразу видно – свеженькие. Почти все в длинных узких юбках и большой обуви наподобие галош, красной, фиолетовой или золотой, и в золотых или серебристых рубашках с оборками. Уже никаких вырезов на сосках. мода прошла; а жаль. Прически у всех высокие – наверняка поливают этой своей клейкой штукой. Без слез не взглянешь, но так с волосами делают только бабы, и это раззадоривало. Дэвидсон ухмыльнулся грудастой евرافке, у которой было больше волос, чем головы; в ответ его удостоили не улыбкой, а покачиванием удаляющихся бедер, которые откровенно говорили: за мной, за мной, за мной. Но он не пошел. Рано. Он направился в штаб – казенное здание из быстрогокамня и пластиплейта: 40 кабинетов, 10 кулеров с водой, подвальный арсенал, – и там отметил в командовании Центральной колониальной администрации на Новом Таити. Встретил кое-кого из экипажа корабля, подал в Лесничестве заявку на новый полуавтоматический окорочный станок, позвал старого приятеля Джуджу Серенга посидеть в баре «Луау» в четырнадцать ноль ноль.

Сам заглянул в бар на час раньше, чтобы запастись провизией перед тем, как начнется пьянка. Был там Любв, сидел с парой мужиков во флотской форме – какие-то спецы, прибывшие на катере с «Шеклтана». Дэвидсон невысоко ставил флотских – скачут между звездами, а вся грязная, потная, опасная планетная работенка достается армии; но начальство есть начальство, да и все равно смешно поглядеть, как Любв подлизывается к кому угодно в форме. Он говорил, по привычке размахивая руками. Дэвидсон мимоходом хлопнул его по плечу и бросил:

– Привет, Радж, приятель, как жизнь?

Прошел дальше, не дожидаясь хмурого взгляда, хотя и жалел, что пропускает такое зрелище. Даже смешно, до чего Любв его ненавидит. Он просто слишком женственный, как и все умники, вот и завидует мужественности Дэвидсона. Сам-то Дэвидсон не собирался переводить время на ненависть к Любву – он того не стоил.

В «Луау» подавали первосортный стейк из телятины. Что бы сказали там, на старой Земле, если бы увидели, как человек уминает килограмм мяса в один присест? Бедные бобоеды! Потом пришел и Джуджу – как и ожидал Дэвидсон, с выборкой новеньких колли: две пышные красотки, да не невесты, а из сферы отдыха. Ох, иногда колониальная администрация умела угодить! День был долгий и жаркий.

---

²³ Эрнест Шеклтон (1874–1922) – англо-ирландский исследователь Антарктики.

На обратном пути в лагерь он перелетел через пролив Смита на одной высоте с солнцем, что разлеглось на широком золотом мареве над морем. Дэвидсон покачивался в кресле пилота и распевал. Показалась в мареве Земля Смита, и над лагерем стоял дым – темное пятно, словно в печь для отходов попал мазут. Он даже не разбирал за ним домики. Только опустившись на летное поле, увидел он обугленный истребитель, искореженные вертушки, выжженный ангар.

Он снова поднял вертушку и прошел на бреющем над лагерем – так низко, что мог задеть высокий конус печи: единственное, что осталось здесь торчать. Все остальное пропало – лесопилка, котельная, склады, штаб, хижины, бараки, поселение существ – все. Остались черные остовы да обломки, еще дымившиеся. Но это был не лесной пожар. Лес-то стоял на месте, рядом с развалинами, зеленел. Дэвидсон заложил вираж обратно к летному полю, приземлился и бросился искать мотоцикл – но от него тоже остался только почерневший металлолом среди тлеющих вонючих обломков ангара и техники. Дэвидсон быстро направился по тропинке к лагерю. На пути мимо остова радиостанции снова начал соображать. Не сбиваясь с шага, сошел с тропы за выжженную хижину. Остановился. Прислушался.

Никого. Все тихо. Пожар давно погас; лишь большие штабели древесины еще тлели, раскаленные докрасна под пеплом и углями. Эти продолговатые кучи пепла стояли дороже золота. Но от черных скелетов барачных и хижин дым уже не поднимался – и там в золе виднелись кости.

Теперь, когда Дэвидсон укрылся за радиостанцией, его мозг прояснился и заработал в полную мощь. Варианта было два. Первый: нападение другого лагеря. Какой-то офицер на Кинге или Новой Яве стал совсем спла и пытается совершить планетный переворот. Второй: внепланетное нападение. Он же видел в космопорте Центрального золотую башню. Но если «Шеклтон» вдруг решил попирагствовать, зачем начинать с мелкого лагеря, а не Центрвилля? Нет, это наверняка вторжение, инопланетяне. Какая-то неизвестная раса – а может, и таукитцы или хайнцы решили заявить права на земные колонии. Дэвидсон никогда не доверял чертовым головастым гуманоидам. Наверняка сбросили тепловую бомбу. На острове или рифе где угодно в юго-западном четвертьшарии можно было с легкостью спрятать войска с истребителями, аэромобилями и ядерными боеголовками. Надо вернуться на вертолет и послать сигнал тревоги, а потом оглядеться, провести рекогносцировку, чтобы было о чем докладывать. Он как раз выпрямлялся, как тут услышал голоса.

Не человеческие. Высокие, тихие, говорят тарабарщину. Инопланетяне.

Припав на четвереньки за пластмассовой крышей радиостанции, перекошенной жаром и лежащей на земле, словно крыло летучей мыши, он замер и прислушался.

В нескольких ярдах от него по тропинке прошли четверо существ. Они были из диких – голые, не считая широких кожаных ремней с ножами и кисетами. Ни шорт, ни кожаного ошейника, как у ручных. Добровольцев в бараках, видимо, сожгли вместе с людьми.

Четверка остановилась неподалеку от его укрытия, медленно переговариваясь на своей тарабарщине, и Дэвидсон затаил дыхание. Не улыбалось, чтобы его заметили. Какого дьявола здесь делают существа? Они явно могли быть только лазутчиками и разведчиками инопланетных сил.

Один, не замолкая, показал на юг и повернулся, и Дэвидсон разглядел его морду. И узнал. Все существа на одно лицо, но этот отличался. Дэвидсон сам расписался на этой морде меньше года назад. Тот самый сущ, что стал спла и напал на него в Центре – кровожадный, питомец Любова. Какого черта тут творится?

Мысли Дэвидсона забежали, сложились вместе: с мгновенной реакцией, как обычно, он встал во весь рост – внезапный, высокий, с пистолетом в руке.

– Вы, существа. Стоять. Спокойно. Не двигаться!

Его голос хлестнул, как кнут. Все четыре зеленых существа не шелохнулись. Тот, что с разбитой мордой, смотрел на него над черными развалинами большими пустыми глазами, в которых не было света.

– Отвечайте. Пожар, кто начал?

Нет ответа.

– Отвечайте, живо-быстро! Не будет ответа – сожгу одного, потом еще одного, потом еще, поняли? Пожар, кто начал?

– Это мы сожгли лагерь, капитан Дэвидсон, – ответил тот, что из Центра, странным тихим голосом, кого-то напомнившим Дэвидсону, какого-то человека. – Все люди мертвы.

– Вы? Что это значит?

Почему-то имя Морды со Шрамом никак не вспоминалось.

– Здесь было двести человек. Девяносто рабов из моего народа. Из леса вышли девять сотен наших. Сначала мы убили людей в лесу, где они валили деревья, потом убили всех здесь, пока горели дома. Я думал, вы погибли. Рад вас видеть, капитан Дэвидсон.

Какое-то безумие – и, конечно же, ложь. Они не могли убить всех – Ока, Бирно, Ван Стена, всех остальных, двести человек, кто-то должен был спастись. У существ ведь только луки со стрелами. И вообще, существа на такое не способны. Они не дерутся, не убивают, не ведут войны. Они не проявляют внутривидовую агрессию, другими словами – живые мишени. Они не дают сдачи. И уж точно не вырезают двести человек по щелчку пальцев. Безумие. Тишина, слабая вонь гари, разлитая в теплом вечернем свете, бледно-зеленые рожи с неподвижными глазками, наблюдавшими за ним, – все это не складывалось, безумный сон, кошмар.

– Кто это за вас сделал?

– Девять сотен наших, – ответил Морда со Шрамом все тем же проклятым человеческим голосом.

– Нет, я о другом. Кто еще? Кому вы служите? Кто сказал вам, что делать?

– Моя жена.

Тут Дэвидсон заметил, как сменилась стойка существа, но тот скакнул в сторону так прытко, что Дэвидсон промазал, прожег дырку только в плече или руке, а не между глаз. И затем существо уже налетел – вдвое меньше и легче, но сбил с ног своим весом, потому что Дэвидсон полагался на оружие и не ожидал атаки. Руки у создания были худые, сильные, покрыты грубой шерстью, и, пока Дэвидсон боролся, оно пело.

Его повалили навзничь, прижали, разоружили. На него уставились четыре зеленые морды. Тот, что со шрамом, все еще напевал, не переводя дыхание, – все ту же тарабарщину, но с мелодией. Остальные трое слушали, обнажив зубы в ухмылках. Он никогда не видел, чтобы существо улыбалось. Он никогда не смотрел на морду существа снизу. Всегда сверху вниз. Свысока. Он заставлял себя не сопротивляться, потому что сейчас это было бесполезно. Хоть и мелкие, они взяли числом, а Морда со Шрамом забрал его пистолет. Приходилось выжидать. Но его мучило, дурнота не давала лежать спокойно, вынуждая дергаться и вырываться против его воли. Мелкие руки удерживали его без труда, над ним покачивались их ухмылки.

Морда со Шрамом допел. Присел на груди Дэвидсона с ножом в одной лапе и пистолетом – в другой.

– Вы не умеете петь, капитан Дэвидсон, да? Ну, тогда бегите к своей вертушке, и улетайте, и скажите полковнику в Центре, что лагерь сожжен и все люди убиты.

Мех на его правой лапе слипся от крови – удивительно красной, как человеческая, – а в зеленой лапе дрожал нож. Избитое лицо склонилось к Дэвидсону совсем близко, и теперь он разглядел странноватый свет, горевший где-то глубоко в угольно-черных глазах. Голос все еще оставался тихим и спокойным.

Его отпустили.

Он осторожно поднялся, все еще приходя в себя после падения. Теперь существа отступили подальше, зная, что он может дотянуться вдвое дальше их, но вооружен был не только Морда со Шрамом, ему в брюхо нацелился и второй пистолет. И держал его Бен. Его собственный существо Бен, мелкая седая вшивая гадина, все с таким же тупым видом, но теперь еще и с пистолетом.

Трудно отвернуться от двух нацеленных стволов, но Дэвидсон отвернулся и направился к летному полю.

За ним раздалось какое-то словечко сущей, пронзительно и громко. Второй голос произнес: «Живо-быстро!» – и послышался странный звук, будто расчирикались птицы: похоже, смех сущей. Грохнул выстрел, мимо провизжала пуля. Господи, так нечестно, они с пистолетами, а он – нет. Он сорвался на бег. Он бы обогнал любого суца. А они не умели толком стрелять.

– Беги, – раздался тихий голос далеко за спиной. Это был Морда со Шрамом – и его имя было Селвер. Его звали просто Сэм, пока Любовь не помешал Дэвидсону воздать ему по заслугам и сделал из него своего питомца, и тогда его стали называть Селвер. Господи, да что же это, какой-то кошмар. Он бежал. В ушах шумела кровь. Он бежал через золотой смрадный вечер. У тропинки лежал труп, которого он даже не заметил на пути к лагерю. Он не обгорел – лежал, напоминая сдутый белый шарик. Таращился голубыми глазами. Дэвидсона не осмелились убить. Больше в него не стреляли. Это невозможно. Его не могли убить. Вот вертушка, сияющая и безопасная, и он заскочил в кресло и взмыл раньше, чем они что-нибудь учудили. Руки тряслись, но не слишком – всего лишь шок. Его не могли убить. Он сделал круг над холмом и затем низко пронесся в поисках четырех сущей. Но ничто не двигалось в дымящихся развалинах.

Утром здесь был лагерь. Двести человек. Только что здесь были четверо сущей. Ему все это не приснилось. Не могли они просто взять и исчезнуть. Они где-то там, прятались. Он открыл огонь из пулемета в носу вертушки, вспарывая обгорелую землю, прошивая зеленую листву леса, поливая пулями обугленные кости и остывшие трупы своих людей, искореженную технику, гниющие белые пни, делал круг за кругом, пока не истратил весь боезапас и пулемет не прекратил содрогаться.

Руки Дэвидсона уже не трясло, тело насытилось, и он знал, что это не сон. Он направился обратно через пролив, доставить вести в Центрвилль. В полете он чувствовал, как его лицо расслабляется и принимает обычное спокойное выражение. Его ни в чем не обвинят, ведь его даже не было на месте. Может, даже заметят, что суци напали в его отсутствие – знали, что у них ничего не получится, если обороной будет командовать он. И из этого выйдет хоть что-то хорошее. Люди наконец поступят, как надо было поступить с самого начала, и расчистят планету для человеческого заселения. Теперь даже Любовь не помешает выжечь сущей – особенно когда все узнают, что его питомец и возглавил резню! Теперь люди займутся истреблением крыс; и вдруг – кто знает? – эту работенку поручат ему. От этой мысли так и хотелось улыбаться. Но его лицо оставалось расслабленным.

Море внизу отливало серым в сумерках, а впереди во мгле высилась островная гряда с глубокими складками, леса со множеством ручьев, со множеством листьев.

2

Все оттенки ржавчины и заката, красно-бурые и бледно-зеленые, непрерывно сменялись в листьях на ветру. Корни медных ив, толстые и корявые, поросли зеленым мхом у воды, которая, как и ветер, пробиралась медленно, со множеством завихрений, словно бы мешкая, когда упиралась в камни, корни, нависающие и опавшие листья. В лесу не бывает так, чтобы дорога шла прямо, чтобы не преломлялись лучи. В ветер, воду, солнечный и звездный свет всегда влезал лист или ветка, нарост и корень, все тенистое, все запутанное. Под кронами, вокруг стволов, через корни вились тропинки; они не шли прямо, а подчинялись каждому препятствию, изворотливые, словно нервы. Земля здесь не твердая и сухая, а влажная и довольно пружинистая – итог совместного труда всей жизни с долгой трудной смертью листвы и деревьев; и из этого богатого кладбища поднимались как девяностофутовые стволы, так и крошечные грибы,

что росли кругами в полдьюма в диаметре. Запах вкрадчивый, разнообразный, сладкий. Никогда не видно дальше собственного носа – разве что заметишь звезды в просвете меж ветками. Здесь не бывает чисто, сухо или ровно. Не хватает откровений. Нельзя охватить все и сразу – нет никакой уверенности. В нависшей листве медных ив то и дело сменялись оттенки ржавчины и заката, и даже не скажешь, какого она цвета: буровато-красная, или красновато-зеленая, или зеленая.

Селвер вышел на тропинку вдоль ручья, шагая медленно и часто запинаясь о корни ив. Увидев спящего старика, он остановился. Старик посмотрел на него через длинные ивовые листья и увидел в своих снах.

– Позволь войти в твой Дом, Властитель Сновидцев? Я прошел долгий путь.

Старик сидел неподвижно. Немного погодя Селвер присел на корточки у тропинки, рядом с ручьем. Уронил голову – так он устал и хотел спать. Он шел пять дней кряду.

– Ты из времени снов или времени мира? – спросил наконец старик.

– Из времени мира.

– Тогда идем со мной. – Старик резко встал и повел Селвера по петляющей тропинке прочь из ивовой рощи, через дубы и терн, где было суше, темнее. – Я принял тебя за бога, – произнес он, на шаг впереди. – И помстилось мне, что я тебя уже видел – быть может, во сне.

– Не во времени мира. Я из Сорнола и никогда здесь не бывал.

– Это поселение – Кадаст. Я – Коро Мена. Из клана Боярышника.

– Мое имя – Селвер. Из клана Ясеня.

– Среди нас хватает людей из клана Ясеня, как мужчин, так и женщин. Есть и из твоих брачных кланов, Березы и Падуба; нет женщин из Яблони. Но ты и не жену пришел искать, верно?

– Моя жена мертва, – ответил Селвер.

Они вышли к Мужскому Дому на пригорке, в молодой дубраве. Там они заползли в нору. Внутри старик распрямился, но Селвер остался на четвереньках, не в силах подняться. Теперь, когда помощь и отдых были так близко, его загнанное тело отказывалось двигаться. Он лег, и его глаза закрылись; и Селвер с превеликим облегчением и благодарностью провалился в великую тьму.

Его выхаживали мужчины из Дома Кадаст; приходил целитель, чтобы заняться раной на правой руке. В ночи Коро Мена и целитель Торбер сидели у огня. Той ночью почти все мужчины были с женами; на скамьях осталась только пара юных учеников-сновидцев – и оба крепко уснули.

– Не ведаю, отчего могут быть такие шрамы, как у него на лице, – произнес целитель, – и еще меньше – такая рана в руке. Очень странная рана.

– И очень странный механизм у него на поясе, – сказал Коро Мена.

– Я его видел и не видел.

– Я убрал его ему под скамью. С виду полированное железо, но не похоже на работу наших мужчин.

– Он сказал тебе, что пришел из Сорнола.

Оба недолго помолчали. Коро Мена ощутил беспричинно гнетущий страх и ускользнул в сон в поисках его причин; ведь он был стариком и мастером своего дела. Во сне шли великаны, тяжелые и опасные. Их сухие чешуйчатые лапы были обернуты тряпками; их глаза были мелкими и светлыми, как жестяные бусины. За ними ползли огромные подвижные штуки из полированного железа. Перед ними падали деревья.

Из падающих деревьев выбежал человек – громко крича, с кровью на губах. Тропа, по которой он бежал, была дверной тропой Дома Кадаст.

– Что ж, сомнений нет, – произнес Коро Мена, легко возвращаясь из сна. – Он пришел прямо из-за морей из Сорнола или же пешком с побережья Келме Дева на нашей земле. Путники говорят, великаны есть и там, и там.

– Последуют ли они за ним, – сказал Торбер; ни старик, ни лекарь не стали отвечать на его вопрос, который и не был вопросом – лишь утверждением о возможности.

– Однажды ты видел великанов, верно, Коро?

– Однажды, – сказал старик.

Он видел сны; порой, будучи дряхлее и слабее, чем раньше, он проваливался в сон надолго. Настал следующий день, перевалил за середину. Перед домом прошли охотники, щебетали дети, переговаривались женщины голосами журчащей воды. Сухой голос окликнул Коро Мену от двери. Он выполз на вечерний свет. Перед норой стояла его сестра, с удовольствием приюхиваясь к благоухающему ветру, но все же с суровым видом.

– Чужак проснулся, Коро?

– Еще нет. За ним приглядывает Торбер.

– Нам надо услышать его историю.

– Он наверняка скоро встанет.

Эбор Дендеп нахмурилась. Будучи старейшиной Кадаста, она переживала за своих людей; но все же не хотела тревожить раненого или оскорблять Сновидцев, требуя своего права войти в их Дом.

– Ты не мог бы его разбудить, Коро? – спросила она наконец. – Вдруг... за ним погоня?

Чувства сестры не шли в одной упряжке с его собственными, но отдались в нем; в него впились ее отчаяние.

– Если позволит Торбер, разбужу, – сказал он.

– Постарайся разузнать от него вести, и поскорее. Жаль, он не женщина и не говорит понятно...

Незнакомец уже пробудился и лежал в жару, в полутьме Дома. В его глазах еще мчались необузданные сны о болезни. И все же он сел и заговорил, стараясь рассказывать ясно. И пока Коро Мена слушал, кости в нем словно съеживались, стараясь скрыться от этой ужасной истории, от этого нового явления.

– Я был Селвер Теле, когда жил в Эшрете, что в Сорноле. Мой город разрушили землянины, вырубив в том краю леса. Меня среди прочих заставили им прислуживать, как и мою жену Теле. Один изнасиловал ее, и она умерла. Я напал на человека, который ее убил. Он бы убил и меня, но меня спас другой и отпустил на свободу. Я покинул Сорнол, где теперь нигде нет жителя из-за землянинов, и пришел сюда, на Северный остров, и поселился на побережье Келме Дева, в Красных Роццах. Теперь землянины пришли и туда и начали вырубать мир. Они уничтожили большой город Пенле. Они поймали сотню мужчин и женщин, чтобы те жили в загонах и служили им. Меня не поймали. Я жил с другими сбежавшими из Пенле, в трясинах севернее Келме Дева. Иногда я по ночам приходил к нашим, сидевшим в загонах землянинов. Мне рассказали, что там есть и тот самый. Тот самый, кого я пытался убить. Сначала я хотел попытаться еще раз – либо выпустить людей из загонов. Но сколько я там был, столько видел, как падают деревья, как мир потрошат и бросают гнить. Мужчины бы сбежали, но женщин стерегли надежней, и они уже начали вымирать. Я говорил с теми, кто скрывался в трясинах. Мы все очень боялись и очень злились, и не могли выпустить страх и злобу. И наконец, после долгих разговоров, и долгих снов, и разных планов мы пришли среди бела дня и убили землянинов в Келме Дева стрелами и охотничьими копьями, и сожгли их город и машины. Мы не оставили ничего. Но того самого не было. Позже он вернулся один. Я пел над ним – и отпустил.

Селвер замолк.

– Потом? – прошептал Коро Мена.

– Потом из Сорнола прибыл летающий корабль и охотился на нас в лесу, но никого не нашел. И тогда они подожгли лес; но пошел дождь, и они не наделали много вреда. Многие пленники из загонов и другие разошлись далеко на север и восток, к холмам Холле, ведь мы боялись, что нас придут ловить много землянинов. А я пошел один. Меня землянины знают, знают мое лицо; и это пугает меня – и тех, с кем я нахожусь.

– Что у тебя за рана? – спросил Торбер.

– Эта рана от того, что он стрелял в меня из оружия человеков; но я пел над ним и отпустил.

– Ты в одиночку поверг великана? – спросил Торбер со свирепой улыбкой, всей душой желая поверить.

– Не в одиночку. С тремя охотниками и с оружием в руках – этим.

Торбер отпрянул от незнакомой штуки.

Какое-то время все молчали. Наконец Коро Мена проговорил:

– Твой рассказ черен, а дорога ведет только вниз. Ты Сновидец своего Дома?

– Был. Дома Эшрета больше нет.

– Они все едины; мы вместе говорим на Древнем Языке. Среди ив Асты ты обратился ко мне, назвав Властителем Сновидцев. Так и есть. Ты видишь сны, Селвер?

– Теперь редко, – ответил Селвер, подчиняясь катехизису и склоняя израненное, взмокшее от жара лицо.

– Наяву?

– Наяву.

– Хорошо ли ты видишь сны, Селвер?

– Нет.

– Держишь ли свой сон в руках?

– Да.

– Ты по своей воле ткешь и вяешь, направляешь и следуешь, начинаешь и прекращаешь?

– Иногда, не всегда.

– Можешь ли идти по дороге своего сна?

– Иногда. А иногда мне страшно.

– Кому не страшно? У тебя все не так уж плохо, Селвер.

– Нет, все плохо, – ответил он, – не осталось ничего хорошего. – И его начало трясти.

Торбер дал ему ивовый настой и уложил обратно в постель. Коро Мена все еще не задал вопрос старейшины; скрепя сердце, он присел к больному и произнес:

– Великаны – эти землянины, как ты их зовешь, – идут ли они по твоему следу, Селвер?

– Я не оставлял следов. Никто не видел меня между Келме Дева и этим местом, все шесть дней. Угрозы нет. – Он попытался снова сесть. – Слушайте, слушайте. Вы не видите опасности. Как же вы ее увидите? Вы не делали того, что сделал я, вам такое даже не снилось – принести смерть двум сотням людей. Они не придут за мной, но придут за нами всеми. Будут охотиться, как охотники загоняют даманов. Вот где угроза. Они попытаются убить нас. Убить нас всех – всех людей.

– Приляг...

– Нет, это не бред – это правда и сон. В Келме Дева было двести землянинов, и теперь все мертвы. Мы убили их. Мы убили их так, будто они не люди. Разве они не ответят тем же? Они убивали нас по одному, а теперь будут убивать так же, как убивают деревья: сотнями, и сотнями, и сотнями.

– Спокойно, – сказал Торбер. – Так бывает только в горячечном сне, Селвер. Так не бывает в мире.

– Мир всегда новый, – возразил Коро Мена, – как бы ни были древни его корни. Селвер, что это за существа? Они выглядят как люди и говорят как люди, так разве они не люди?

– Не знаю. Разве люди убивают других людей, кроме как в припадке безумия? Разве зверь убивает своих? Только насекомые. А землянины убивают нас так же легко, как мы – змей. Тот, кто меня учил, говорил, что они убивают и друг друга – в ссорах, или в большом числе, будто муравьи. Этого я не видел. Но знаю, что они не шадят того, кто просит о жизни. Они добивают тех, кто подставляет горло, я видел это сам! В них есть желание убивать – и потому я решил предать их всех смерти.

– И сны всех людей изменятся, – сказал Коро Мена, сидевший в темноте, скрестив ноги. – Они уже никогда не будут прежними. Больше никогда я не пройду по тропе, где прошел с тобой вчера, от ивовой рощи, где ходил всегда. По той тропе прошел ты – и она полностью изменилась. До того дня то, что нам приходилось делать, было правильно; путь, которым приходилось идти, был верным и вел нас домой. Где теперь наш дом? Ведь теперь ты сделал то, что пришлось сделать тебе, и это неправильно. Ты убивал. Я видел их пять лет назад, в долине Лемган, когда они прилетели на корабле; я спрятался и наблюдал за шестеркой великанов, и видел, как они переговариваются, как осматривают камни и растения, как готовят еду. Это люди. Но ты жил среди них, Селвер, ты и ответь мне: грезят ли они?

– Как дети – во сне.

– Они не умеют?

– Нет. Иногда они говорят о своих снах, их целители пытаются применять их для лечения, но никто не обучен и не умеет грезить. Любовь – тот, кто меня учил, – понял, когда я показал, как грезить, но даже он зовет время мира «настоящим», а время снов – «ненастоящим», как будто между ними есть разница.

– Ты сделал то, что тебе пришлось, – повторил Коро Мена после паузы. Их взгляды встретились в тенях. От лица Селвера отлило отчаянное напряжение; израненные губы расслабились, и он откинулся назад, больше не прибавив ни слова. Уже скоро он снова спал.

– Он бог, – произнес Коро Мена.

Торбер кивнул, чуть ли не с облегчением принимая вердикт старца.

– Но не такой, как другие. Не как Гонитель, не как Друг-без-лица, не как Женщина Осинного Листа, что идет в лесу снов. Он не Привратник и не Змей. Не Лирист и не Охотник, хотя и приходит во время мира, как они. В последние годы мы могли видеть сны о Селвере, но больше не будем – он покинул время снов. В лесу, через лес он идет, где падают листья, где падают деревья: бог, что познал смерть, бог, что убивает и не перерождается.

Старейшина выслушала новости и пророчества Коро Мены и перешла к действию. Она подняла в городе Кадаст тревогу, проследив, чтобы каждая семья была готова сняться и уйти – с заготовленной провизией, с носилками для старых и немощных. Разослала молодых разведчиц на юг и восток, чтобы приносили вести о землянинах. Всегда держала у города отряд вооруженных охотников, тогда как другие уходили каждую ночь, как обычно. И когда Селвер окреп, потребовала, чтобы он вышел из Дома и рассказал свою историю: как землянины убивают и порабащают людей в Сорноле, как вырубают леса; как народ Келме Дева убил землянинов. Она заставила женщин и негрязящих мужчин, которые ничего не поняли, выслушивать вновь, пока они наконец не поняли – и не уstraшились. Эбор Дендеп была практичной женщиной. Когда ее брат, Великий Сновидец, рассказал, что Селвер – бог, носитель перемен, мост меж мирами, она поверила и перешла к действию. Дело Сновидца – соблюдать осторожность, выносить верный вердикт. Ее дело – действовать, исходя из вердикта. Он знал, что нужно сделать; она знала как.

– Все города леса должны услышать, – сказал Коро Мена. И старейшина разослала молодых скороходов, и старейшины других городов прислушались и разослали своих. Убийства в Келме Дева и имя Селвера облетели Северный остров, перенеслись через моря на другие земли, с голоса на голос или в письменном виде; не слишком быстро, ведь у лесного народа не было посланцев быстрее бегунов; но все-таки быстро.

На Сорока Землях планеты жил не один народ. Языков было больше, чем земель, и вдобавок в каждом поселении – свой диалект; бесконечные паутины повадок, нравов, обычаев, ремесел; жители каждой из пяти Великих Земель отличались внешностью. Народ Сорнола – великие купцы, высокие и бледные; народ Ришвела – низкий, и многие носили черный мех, и ели обезьян; и так далее и тому подобное. Но климат почти не отличался, как и лес, а море не отличалось и вовсе. Благодаря любознательности, торговым маршрутам и потребности искать мужа или жену от соответствующего Древа люди легко перетекали между землями, и отдельные внешние черты можно было встретить всюду, кроме самых далеких уголков – полулегендарных варварских островков Дальнего Востока и Юга. Во всех Сорока Землях городами и поселениями правили женщины, почти у каждого поселения имелся Мужской Дом. В Домах Сновидцы говорили на древнем языке – и он почти не отличался от земли к земле. Его редко учили женщины или те мужчины, которые были охотниками, рыбаками, ткачами, строителями, которые видели вне Дома лишь обрывки снов. Письменность чаще тоже была на языке Домов, и, когда старейшины отправляли послания, письма переходили из Дома в Дом и толковались Сновидцами Старшим Женщинам – как и прочие документы, слухи, невзгоды, мифы и сны. Но последнее слово о том, верить или нет, всегда оставалось за Старшими Женщинами.

Селвер был в каморке в Эшсене. Дверь стояла незапертой, но он знал, что если откроет ее, то впустит что-то плохое. Сколько она закрыта, столько все будет хорошо. Но беда была в том, что перед домом росли молодые деревца, целый сад; не фруктовый или ореховый, а какой-то еще, хотя какой – он не помнил. Он вышел узнать, что это за деревья. Все уже были переломаны или выкорчеваны. Он поднял серебристую веточку – и со слома скатилась капля крови. Нет, только не здесь, только не снова, Теле, сказал он: о, Теле, приди ко мне перед своей смертью! Но она не пришла. Оставалась лишь ее смерть, сломанная березка, открытая дверь. Селвер быстро вернулся в дом и обнаружил, что он высокий, как дом землянинов – высокий и полный света. За дверью на другом конце высокой комнаты тянулась длинная улица города землянинов, Централа. На поясе Селвера висел пистолет. Если появится Дэвидсон, он его застрелит. Селвер ждал, у самой открытой двери, выглядывая на солнечный свет. Появился Дэвидсон, огромный, и побежал так быстро, что Селвер не успевал прицелиться, пока тот бешено вихлял зигзагами по широкой улице – очень быстро, все ближе и ближе. Пистолет был тяжелым. Селвер выстрелил, но из него не вырвалось огня, и тогда в бешенстве и ужасе он швырнул пистолет на землю – и сон ушел.

Он сплюнул в отвращении и унынии, вздохнул.

– Плохой сон? – поинтересовалась Эбор Дендеп.

– Все они плохие и все одинаковые, – ответил он, но его все же понемногу отпускали волнение и печаль. Прохладный утренний свет падал пестрыми столбами через резную листву и ветки березовой рощи Кадаста. Старейшина плела корзину из чернотвольного папоротника, потому что не любила, чтобы ее пальцы оставались без дела, а Селвер лежал рядом, в полусне и сне. Он провел в Кадасте уже пятнадцать дней, его рана заживала. Он все еще много спал, но теперь впервые за много месяцев снова начал грезить, и регулярно, не раз-два днем и ночью, а с истинным пульсом и ритмом сновидения, что должны нарастать и опадать от десяти до четырнадцати раз за суточный цикл. Пусть сны были плохие, сплошь ужас и стыд, он все равно им радовался. Ведь он уж начал бояться, что оторвался от корней, зашел слишком далеко в мертвый край действия, чтобы найти путь назад, к родникам реальности. Но теперь, пусть вода была горька, он снова к ней припал.

И вновь он повалил Дэвидсона в прахе сожженного лагеря, но теперь вместо того, чтобы петь, ударил ему по зубам камнем. Хрустнули зубы, побежала между белыми осколками кровь.

Этот сон был полезен – примитивное исполнение желаний, – но на этом Селвер его и прервал: видел уже не раз, как до встречи с Дэвидсоном в пепле Келме Дева, так и после. В том сне не было ничего, кроме облегчения. Глоток пресной воды. А ему требовалась горечь. Ему

нужно было вернуться, и не в Келме Дева, а на ту длинную страшную улицу чужого города под названием Централ, где он бросил вызов Смерти – и проиграл.

Работая, Эбор Дендеп напевала про себя песню. Ее тонкие руки с шелковистым зеленым мехом, посеребренным от возраста, ловко плели черные стебли папоротника, быстро и четко. Пела она о сборе папоротников – девичью песнь: я собираю папоротники, я гадаю, вернется ли он... Ее слабый старческий голос переливался, как у сверчка. В листве берез дрожало солнце. Селвер положил голову себе на ладони.

Березовая роща росла почти посередине города Кадаста. От нее расходились, петляя меж деревьев, восемь узких троп. Веяло древесным дымом – на южном краю рощи, где ветки росли не так густо, было видно, как поднимается из дымохода дым нитями синей пряжи, расплетающейся в листьях. Приглядишься среди живых дубов и других деревьев – и заметишь крыши, торчащие на пару футов от земли, сто или двести штук – и не сосчитать. Деревянные дома уходили в землю на три четверти, пристраиваясь между корней, как барсучьи норы. Крыши были забросаны мелкими сучьями, иголками, тростником, заплесневелой почвой. Так крыши защищали от холода, влаги, чужих взглядов. Вокруг березовой рощи, где сидела Эбор Дендеп и плела корзину, жили своей жизнью лес и сообщество в восемь сотен человек. Птица в кроне над ее головой нежно молвила: «Ти-вит». Человеческого шума было больше обычного, потому что за последние дни сюда стянулись пятьдесят-семьдесят чужаков, в основном – молодежь, привлеченная появлением Селвера. Кое-кто из других северных городов, а кое-кто – из тех, кто вместе с ним убивал в Келме Дева; они последовали сюда за слухами, чтобы затем последовать за ним. И все же голоса тут и там, голоса моющихся женщин или детских игр у ручья, были не громче утренней птичьей песни, и жужжания насекомых, и вечного обертона живого леса, единого с поселением.

Внезапно появилась девушка – молодая охотница цвета бледной березовой листвы.

– Слово с южного побережья, мать, – сказала она. – В Женском Доме – скороход.

– Шли ее сюда, как подкрепится, – тихо отозвалась старейшина. – Ш-ш, Толбар, ты что, не видишь, что он спит?

Девушка наклонилась за широким листом дикого табака и аккуратно накрыла Селверу глаза, на которые все ярче светил столб солнечного света. Он лежал с приоткрытыми ладонями, обратив израненное, битое лицо к небу, такое ранимое и глупое: Великий Сновидец, заснувший, как дитя. Но наблюдала Эбор Дендеп за лицом девушки. В беспокойной тени оно сияло от жалости и ужаса, от восхищения.

Толбар скрылась. Наконец пришли две Старшие Женщины и вестница, безмолвно ступая вереницей по забрызганной солнцем тропе. Эбор Дендеп подняла ладонь, призывая к тишине. Вестница тут же улеглась и расслабилась; ее заляпанный бурый зеленый мех был покрыт пылью и потом: она бежала долго и быстро. Старшие Женщины сели на солнцепеке и застыли. Словно два замшелых серо-зеленых валуна, но с яркими, живыми глазами.

Селвер, мучаясь из-за неподвластного ему сна, вскрикнул, словно от великого ужаса, и проснулся.

Он отошел испить воды из ручья; когда вернулся, за ним следовали шестеро-семеро из тех, кто всегда следовал за ним. Старейшина отложила незаконченную корзину и произнесла:

– Теперь приветствую тебя, скороход; говори.

Девушка поднялась, склонилась перед Эбор Дендеп и передала послание:

– Я пришла из Третата. Мои слова – от Сорброн Дэвы, до того – от моряков Пролива, до того – от Бротера в Сорноле. Они предназначены для всего Кадаста, но произнести их велено мужчине по имени Селвер, рожденному от Ясеня в Эшрете. Вот слова послания: в большом городе великанов в Сорноле появились новые великаны, и многие из новых – женщины. В месте, что зовется Пеха, взлетает и опускается желтый огненный корабль. В Сорноле известно, что Селвер из Эшрета сжег город великанов в Келме Дева. Великие Сновидцы Изгнанников

в Бротере видели во сне великанов многочисленнее, чем есть деревьев в Сорока Землях. Это все слова моего послания.

После ее речитатива все замолчали. Где-то вдали птица робко сказала:

– Уит-уит?

– Это очень скверное время мира, – произнесла одна из Старших Женщин, потирая больное от ревматизма колено.

Серая птица спланировала с живого дуба, обозначавшего северный край города, и парила кругами, раскинув ленивые крылья на утреннем ветру. Рядом с городом всегда росло гнездовое дерево таких серых «воздушных змеев» – они собирали мусор.

Через березовую рощу пронесся упитанный мальчуган, убегая от старшей сестры, и оба визжали тонкими голосами наперебой, словно летучие мыши. Мальчишка упал и заплакал, девочка утерла ему слезы большим листом. Рука об руку они снова скрылись в лесу.

– Там был один, кого звали Любов, – сказал Селвер старейшине. – Я рассказал о нем Коро Мене, но не тебе. Когда меня убивал тот самый, меня спас Любов. Это Любов поставил меня на ноги и отпустил на волю. Он хотел знать о нас больше, и я отвечал на его расспросы, а он отвечал на мои. Однажды я спросил, как выживает его раса, если у них так мало женщин. Он ответил, что там, откуда они родом, половина населения – женщины; но мужчины привезут женщин на Сорок Земель, только когда подготовят для них место.

– Только когда мужчины подготовят место для женщин? Что ж! Долго же им придется ждать, – сказала Эбор Дендеп. – Они как народ из Вязового Сна, который ходит задом наперед, с вывернутыми в обратную сторону головами. Они переделывают лес в сухой пляж... (в ее языке не было слова, означающего «пустыня») ...и зовут это местом для женщин? Им надо было выслать женщин первыми. А может – кто знает? – у них и Великие Сны видят женщины? Все у них шиворот-навыворот, Селвер. Они сумасшедшие.

– Люди не бывают сумасшедшими.

– Но ты сам говорил, что они грезят только во сне; ты сам говорил, чтобы грезить наяву, они принимают отраву и не могут управлять снами! Что может быть безумнее? Они отличают время снов от времени мира не лучше младенца. Может, убивая дерево, они думают, будто оно снова оживет!

Селвер покачал головой. Он по-прежнему говорил со старейшиной так, словно в березовой роще они наедине: тихим робким голосом, почти сонно.

– Нет, смерть они понимают очень хорошо... Конечно, видят они ее не так, как мы, но кое-что знают и понимают больше нас. Любов понял почти все, что я ему рассказывал. А многое из того, что рассказывал он, я понять не мог. И мешал не язык: я знаю его язык, а он выучил наш; мы вместе писали на двух языках. И все-таки он рассказывал то, что я понять не мог. Он говорил, землянины не из леса. Это понятно. Он сказал, они хотят лес: деревья – ради древесины, землю – чтобы растить свою траву. – Голос Селвера, все еще тихий, постепенно креп, люди среди серебристых деревьев прислушивались к нему. – Все это ясно тем из нас, кто видел, как они вырубают мир. Он говорил, что землянины – как мы, что мы родня, так же близки, как, наверное, красный олень – с серым. Он говорил, они родом из другого места, которое не есть лес; там все деревья вырублены; там есть солнце – не наше; и что все солнца – звезды. Все это, как видите, мне неясно. Я повторяю его слова, но не понимаю, что они значат. Но это неважно. Ясно, что они хотят забрать наш лес. Они вдвое выше нас, их оружие стреляет вдвое дальше, они могут поливать огнем, летать на кораблях. Теперь они привезли женщин и заведут детей. Теперь их не меньше двух тысяч, а то и три, и почти все – в Сорноле. Но если мы прождем еще жизнь или две, они размножатся; их число удвоится и учетверится. Они убивают мужчин и женщин; они не щадят тех, кто просит о жизни. Они не состязаются в песне. Наверное, они оставили свои корни в том другом лесу, откуда они пришли, в лесу без деревьев. Они принимают отраву, чтобы высвободить свои сны, но от этого только хмелеют

или болеют. Никто не знает наверняка, люди они или нет, в своем уме или нет, но и это все неважно. Их надо прогнать из леса, потому что они опасны. Если они не уйдут подобру, их надо выжечь со всех Земель, как мы выжигаем муравейники жалящих муравьев из городских рощ. Если ждуть, выкурят и выжгут нас. Они давят нас так же, как мы давим жалящих муравьев. Однажды, когда сжигали мой город Эшрет, я видел женщину: она лежала на пути человека и просила о жизни, а он наступил ей на спину и сломал хребет, а потом пнул с дороги, будто дохлую змею. Я это видел. Если землянины – люди, то их не учили или нельзя научить грезить и вести себя как люди. Поэтому они мучают, убивают и разрушают, подчиняясь своим богам внутри – которых не выпускают, а стараются выкорчевать и не слушать. Если это люди, то это злые люди, глухие к собственным богам; они боятся увидеть собственные лица во тьме. Старейшина Кадаста, выслушай меня. – Селвер встал, высокий и внезапный среди сидящих женщин. – Я думаю, мне пора вернуться в мою землю, в Сорнол, к тем, кто в изгнании, и к тем, кто в рабстве. Скажите всем, кто видит сон о горящем городе, пойти за мной в Бротер.

Он поклонился Эбор Дендеп и покинул березовую рощу – все еще прихрамывая, с перевязанной рукой; и все-таки шагал он быстро, голову держал высоко, отчего казался здоровее иных. За ним тихо последовала молодежь.

– Кто он? – спросила вестница из Третата, провожая его взглядом.

– Тот, кому шло твое послание. Селвер из Эшрета, бог среди нас. Когда-нибудь видела бога, дочь?

– Когда мне было десять лет, в наш город приходил Лирист.

– Старина Эртел, да. Он был от моего Древа, из Северных Долов, как и я. Что ж, теперь ты видела второго бога, еще могущественнее. Расскажи о нем своему народу Третата.

– Что он за бог, мать?

– Новый, – произнесла Эбор Дендеп своим сухим старческим голосом. – Сын лесного пожара, брат убитых. Он тот, кто не переродится. А теперь идите, все вы, идите в Дом. Узнайте, кто пойдет с Селвером, соберите их в дорогу. Оставьте меня. Я полна дурных предчувствий, как глупый старик, и мне нужно спать...

Той ночью Коро Мена проводил Селвера до места их первой встречи, под медными ивами у ручья. Многие шли за Селвером на юг, всего около шестидесяти – больше людей в походе, чем здесь когда-либо видели. На пути через море в Сорнол они вызовут немало пересудов и привлекут к себе много больше сторонников. Селвер воспользовался на одну ночь своим правом Сновидца – правом одиночества. Он выходил один. Последователи нагонят его утром; и с того момента, когда он погрузится в толпу и действие, ему не останется времени на медленное и глубокое течение великих снов.

– Здесь мы встретились, – сказал старик, остановившись у склоненных веток, лиственных завес, – и здесь расстаемся. Наверняка те, кто пойдут нашими тропами после нас, назовут это место Рощей Селвера.

Какое-то время Селвер молчал, стоя неподвижно, как дерево, и серебряные листья вокруг него темнели, пока тучи заволакивали звездное небо.

– В этом ты увереннее меня, – произнес он наконец – голос во мгле.

– Да, уверен, Селвер... меня хорошо научили видеть сны, и к тому же я старик. Я уже почти не вижу снов для себя. И зачем? Меня мало что удивит. А чего я хотел от жизни, то получил сполна и больше. Я получил всю свою жизнь. Столько же дней, сколько листьев в лесу. Я старое покое дерево, живы лишь корни. И потому я вижу сны всех остальных. У меня нет видений и желаний. Я вижу как есть. Вижу, как зреет плод на ветке. Уж четыре года зреет, этот плод на древе с глубокими корнями. Четыре года все мы боялись – даже те, кто живет вдали от городов землянинов и видел их только из укрытия, или только их корабли над головой, или только мертвые прогалины там, где они вырубали мир, или лишь слышал обо всем этом. Мы все боялись. Дети просыпались в слезах от снов о великанах; торговки не заходили далеко;

мужчины в Домах не могут петь. Плод страха зреет. И я вижу, как ты его срываешь. Ты – собиратель. Все, что мы боимся знать, ты повидал, узнал: изгнание, стыд, боль, падение крыши и стен мира, погибшая в мучениях мать, необученные, недолюбленные дети... Это новое время мира: дурное время. И ты перестрадал все. Ты зашел дальше других. А дальше всего, в конце черной тропы, и растет Дерево; и зреет плод; и теперь, Селвер, ты поднимаешь руку, теперь ты его срываешь. И мир меняется целиком, когда человек держит в руке плод того дерева, чьи корни уходят глубже корней леса. Люди это поймут. Они узнают тебя, как узнали мы. Не нужно быть старцем или Великим Сновидцем, чтобы узнать бога! Куда идешь ты, там горит огонь: его не разглядит только слепой. Но послушай, Селвер, вот что вижу я и что, наверное, не видят другие; вот почему я полюбил тебя: еще до нашей встречи я видел о тебе сон. Ты шел по тропе, и где ты шел, там росли за тобой молодые деревья, дуб и береза, ива и падуб, ель и сосна, ольха, вяз, белоцветный ясень, все крыша и стены мира, вечно обновляясь. А теперь ступай, дорогой бог и сын, и береги себя.

Темнело все больше, когда Селвер наконец выступил в поход, и даже его ночное зрение не различало ничего, кроме густой или ровной тьмы. Заморосил дождь. Он прошел всего несколько миль от Кадаста, когда настало время либо зажечь факел, либо остановиться. Он решил остановиться и на ощупь отыскивал местечко в корнях большого каштана. Там он привалился спиной к широкому кривому стволу, словно еще хранившему солнечное тепло. Мелкие капли, незримо сыпавшие во тьме, стучали по листьям над головой, по рукам, шее и голове, защищенным густым шелковистым мехом, по земле, папоротникам и подлеску кругом, по всем листьям леса, далеко и близко. Селвер сидел тихо, как серая сова на ветке над ним, и не спал, широко раскрыв глаза в дождливой тьме.

3

У капитана Раджа Любова болела голова. Боль начиналась в мышцах правого плеча и разрасталась в сокрушительное крещендо барабанного боя над правым ухом. Центры речи находятся в коре левого полушария мозга, думал он, но произнести это не мог; не мог говорить, читать, спать, думать. Кора – дыра. Мигрень – голова набекрень, ай-ай-ай! Конечно, его лечили от мигрени в колледже, потом снова – во время обязательных Армейских профилактических психотерапевтических сеансов, но он все равно прихватил с Земли эрготаминовые таблетки, на всякий случай. Он уже принял две, и заодно супергипердупер-болеутоляющее, и успокаивающее, и что-то для пищеварения, чтобы противодействовать кофеину, который противодействовал эрготамину, но изнутри головы по-прежнему бурилось сверло, над самым правым ухом, под бой большого бас-барабана. Сверло, мурло, пилюли, пули, о боже. Избави нас Господи. Изба вина. А что делают от мигрени атшеане? Да ее у них и нет, они бы развеяли все волнения в грезах за неделю до их появления. Сам попробуй, погресь наяву. Начни, как тебя учил Селвер. Не зная ничего об электричестве, Селвер не понимал принцип ЭКГ, но стоило ему услышать об альфа-волнах и о том, как они появляются, он сказал: «Ах да, ты об этом», – и на записи в его маленькой зеленой голове тут же появились узнаваемые альфа-закорючки; и потом он за полчаса научил Любова, как включать и выключать альфа-ритмы. В этом нет ничего сложного. Но не сейчас, наш мир слишком давит, ай-ай-ай, над правым ухом, вечно слышу крылатую колесницу Времени, – ведь позавчера атшеане сожгли лагерь «Смит» и убили двести человек. Двести семь, если быть точным. Всех, кроме капитана. Неудивительно, что таблетки не могут добраться до центра его мигрени, который находился два дня назад, на остrove на расстоянии двести миль. Далек за холмами. Пепел, пепел падал вниз. А среди пепла – и все его знания о Высших Разумных Формах Жизни планеты 41, врафах. Прах, мусор, мешанина ложных данных и ложных гипотез. Почти пять зем-лет здесь – и он поверил, что атшеане

неспособны на убийство, хоть своих, хоть чужих. Писал длинные статьи с объяснениями, как или почему они не могут убивать других людей. И ошибся. Во всем ошибся.

Чего он не заметил?

Уже скоро пора на совещание в штабе. Любов аккуратно поднялся, двигаясь всем телом, чтобы не отвалилась правая половина головы; подошел к столу походкой человека под водой, плеснул себе рюмку казенной водки и выпил. Она вывернула его наизнанку; экстравертнула; привела в норму. Полегчало. Он вышел из дома и, зная, что не выдержит ухабы на мотоцикле, двинулся пешком по длинной пыльной главной улице Центрвилля. Минуя «Луау», с жадностью подумал о еще одной рюмке; но из дверей как раз выходил капитан Дэвидсон, и Любов прошел мимо.

Люди с «Шеклтона» уже ждали в конференц-зале. В этот раз командер Янг, с кем он уже встречался, привез с орбиты новых лиц. Не во флотской униформе; через секунду Любов узнал в них – с легким шоком – не-землян. Он сразу же подошел и представился. Один, мистер Ор, – волосатый таукитец, темно-серый, коренастый и угрюмый; второй, мистер Лепеннон, – высокий и белый красавец; хайнец. Они с интересом поздоровались с Любовым, и Лепеннон прибавил: «Я читал ваш доклад о сознательном контроле парадоксального сна у атшеан, доктор Любов», – и это было приятно слышать, как и то, что к нему обратились по заслуженному званию. Судя по их разговорам, они провели на Земле несколько лет и могли быть врагами или кем-то в этом роде; но командер, представляя их, не уточнял их звания или положения.

Зал постепенно заполнялся. Пришел Госс, эколог колонии; пришла вся верхушка; пришел и капитан Сусун, глава планетного развития – то есть лесозаготовительных работ, – чье капитанское звание, как и у Любова, было необходимой выдумкой, чтобы умиловить военных. Капитан Дэвидсон пришел один, расправив плечи: красив, худое лицо – спокойное и довольно суровое. У всех дверей стоял караул. Армейские чины сидели прямо, будто аршин проглотили. Очевидно, планировалось дознание. «Кто виноват?» Я виноват, в отчаянии думал Любов; но, несмотря на отчаяние, смотрел через стол на капитана Дона Дэвидсона с ненавистью и презрением.

Командер Янг начал очень тихо.

– Как вам известно, господа, мой корабль зашел на планету 41, только чтобы высадить вам новых колонистов – и не больше; по плану «Шеклтон» следует на планету 88, Престно, в Хайнской группе. Но мы не можем смотреть сквозь пальцы на это нападение на ваш форпост, раз оно случилось в неделю нашего пребывания, – и особенно в свете некоторых событий, о которых вы бы в обычных обстоятельствах узнали позже. Дело в том, что в данный момент статус планеты 41 как земной колонии пересматривается, и резня в вашем лагере может повлиять на решение Администрации. Во всяком случае, нам свои решения надо принимать быстро, потому что я не могу задерживать корабль надолго. Итак, для начала убедимся, что все присутствующие владеют основными фактами дела. На корабле все прослушали доклад капитана Дэвидсона о событиях в лагере «Смит» – у вас тоже? Хорошо. Далее, если у вас есть вопросы непосредственно к капитану Дэвидсону – вперед. У меня самого есть вопрос. Капитан Дэвидсон, вы вернулись в лагерь на следующий день в большой вертушке с восемью солдатами; вы получили разрешение старшего офицера в Центrale на вылет?

Дэвидсон встал.

– Так точно, сэр.

– Вам дали добро на то, чтобы высадиться и устроить пожар в лесу у лагеря?

– Никак нет, сэр.

– Но вы все равно устроили пожар?

– Так точно, сэр. Хотел выкурить тех существ, которые прикончили моих людей.

– Хорошо. Мистер Лепеннон?

Высокий хайнец прочистил горло.

– Капитан Дэвидсон, – начал он, – как вы считаете, люди под вашим командованием в лагере «Смит» были довольны жизнью?

– Так точно.

Дэвидсон говорил твердо и откровенно; его словно не смущало, насколько серьезные у него неприятности. Конечно, он не подчинился офицерам флота и иностранцам – отвечать за утрату двухсот человек и неодобренные операции возмездия ему предстояло перед его полковником. Но и полковник сидел здесь же и слушал.

– Значит, им предоставили жилье, их хорошо кормили, не перегружали работой, насколько это возможно в пограничном лагере?

– Да.

– Дисциплина поддерживалась железной рукой?

– Нет.

– Тогда что привело к восстанию?

– Не понимаю.

– Если все были довольны, почему кто-то убил остальных и уничтожил лагерь?

Воцарилась тревожная тишина.

– Позвольте сказать, – произнес Любов. – Это местные врафы, то есть работавшие в лагере атшеане, объединили силы с лесным народом против землян. В докладе капитана Дэвидсона атшеане названы «сущи».

– Благодарю, доктор Любов, – ответил Лепеннон с взволнованным и пристыженным видом. – Я совершенно превратно истолковал ситуацию. Я принял «сущей» за касту землян, которая занимается черной работой в лесозаготовительных лагерях. Я, как и все мы, исходил из того, что атшеане не проявляют внутривидовую агрессию, поэтому мне и в голову не пришло, что имеются в виду они. Вообще-то я и не знал, что они сотрудничают с вами в лагерях... Впрочем, теперь я еще хуже понимаю, что спровоцировало нападение и бунт.

– Не знаю, сэр.

– Когда капитан сказал, что люди под его командованием были довольны, он имел в виду и местных? – спросил таукитец. Вернее, сухо пробормотал. Хайнец мгновенно это услышал и повторил для Дэвидсона со своим учтивым озабоченным тоном:

– Как считаете, атшеане в лагере были довольны?

– Насколько мне известно, да.

– Не было чего-то необычного в их положении, в их работе?

Любов почувствовал, как растет напряжение – еще на пару градусов – у полковника Донга и его штата, а также у командера звездного корабля. Но Дэвидсон сохранял спокойствие и непринужденность.

– Ничего необычного.

Теперь Любов точно знал, что на «Шеклтон» пересылались только его научные исследования; все его жалобы, даже ежегодные характеристики «акклиматизации местного населения к присутствию колонистов», которые от него требовала администрация, пылились в ящике где-то в штабе. Эти двое неземлян ничего не знали об эксплуатации атшеан. Командер Янг, конечно, знал; он спускался на планету и раньше, наверняка видел бараки для сущей. Так или иначе, командер флота на поездках по колонии не узнал бы ничего нового об отношении землян/врафов. Одобрял он действия колониальной администрации или нет, сюрпризом бы они для него не стали. Но таукитец и хайнец – что им-то известно о земных колониях, если только их не заносило в подобные на пути следования куда-то еще? Лепеннон и Ор не собирались сходить здесь на планету. Или, возможно, не собирались, пока не услышали о неприятностях – и тогда этого потребовали. Зачем командер их привез – по своему желанию или по их? Кем бы они ни были, в них читался намек на авторитет; от них суховато, пьяняще веяло властью. У Любова прошла головная боль, к лицу прилила кровь, он стал весь внимание.

– Капитан Дэвидсон, – сказал он. – У меня есть пара вопросов касательно вашей стычки с четырьмя туземцами, позавчера. Вы уверены, что один из них – Сэм, или Селвер Теле?

– Да.

– И вам известно, что у него с вами личные счеты.

– Мне об этом не известно.

– Нет? Его жена умерла в вашем доме сразу после полового контакта с вами, и он считает вас виновным в ее смерти – вам это неизвестно? Он уже нападал на вас здесь, в Центревилле; или вы забыли? Что ж, суть в том, что личная ненависть Селвера к капитану Дэвидсону может служить частичным объяснением или мотивом для этого беспрецедентного нападения. Атшеане способны на насилие – я никогда не утверждал в своих исследованиях обратного. Подростки, не освоившие управляемые сновидения или состязательное пение, часто борются и дерутся на кулаках, и не всегда благодушно. Но Селвер – взрослый мужчина, адепт; и его первое нападение на капитана Дэвидсона по личным причинам, которому я стал свидетелем, было очевидным покушением на убийство. Как и, между прочим, ответные действия капитана. Тогда я решил, что это отдельный нервный срыв из-за траура или стресса и вряд ли повторится. Я ошибся... Капитан, когда на вас из засады напали четверо атшеан, как описано в вашем докладе, вы оказались на земле?

– Да.

– В каком положении?

Спокойное лицо Дэвидсона окаменело от напряжения, и Любов почувствовал укол совести. Он хотел поймать Дэвидсона на лжи, вынудить хоть раз сказать правду – но не унижать на глазах у других. Обвинения в изнасиловании и убийстве только поддерживали самовосприятие Дэвидсона как настоящего мужика, но теперь этот образ оказался под угрозой: ведь Любов рассказывал, как его – солдата, бойца, крутого и сурового первопроходца – повалили враги не выше шестилеток... Насколько Дэвидсону тяжело рассказывать о мгновении, когда он лежал и впервые смотрел на маленьких зеленых человечков снизу вверх, а не сверху вниз?

– Я лежал на спине.

– Вы смотрели прямо перед собой или в сторону?

– Не знаю.

– Я пытаюсь установить факты, капитан, которые помогут объяснить, почему Селвер не убил вас, несмотря на личную обиду и на то, что он участвовал в убийстве двух сотен человек парой часов ранее. И мне интересно, не находились ли вы в положении, которое с точки зрения атшеан останавливает противника от агрессии.

– Я не знаю.

Любов оглядел собравшихся за столом; на всех лицах читалось любопытство и напряжение.

– Возможно, эти жесты и позы, прерывающие агрессию, отчасти врожденные, а возможно, их вызывает сохранившийся рефлекс, но в их обществе они развиваются и поощряются и, разумеется, являются приобретенными. Самая действенная и полноценная поза – это лежать навзничь, глаза закрыты, голова повернута так, чтобы подставить горло. Я считаю, атшеанин из местной культуры не может напасть на врага, который находится в этом положении. Ему пришлось бы выплеснуть гнев или агрессию каким-то иным способом... Капитан, когда вас прижали к земле, Селвер, случайно, не пел?

– Что?

– Пел.

– Не знаю.

Тупик. Никак не подступиться. Любов уже собирался пожать плечами и махнуть на это рукой, когда таукитец задал вопрос:

– Что вы имеете в виду, мистер Любов?

Самая располагающая характеристика довольно жесткого таукитского характера – это любопытство, несвоевременное и ненасытное любопытство; таукитцы с готовностью умирают, лишь бы узнать, что будет дальше.

– Понимаете, – начал Любоб, – атшеане заменяют бой неким ритуализированным пением. Опять же, это повсеместный общественный феномен, и, хотя у него может быть некая физиологическая база, у людей очень трудно установить что-нибудь «врожденное». Однако здесь высшие приматы предпочитают вокальные состязания между самцами – вой и свист; доминирующий самец может напоследок врезать проигравшему, но обычно они целый час пытаются перекричать друг друга. Атшеане сами замечают сходство таких дуэлей с состязаниями по пению, которые тоже проходят только между мужчинами; для них это не только выплеск агрессии, но и искусство. Побеждает лучший артист. Поэтому я спрашивал, пел ли Селвер над капитаном Дэвидсоном, и если пел, то из-за того, что не мог его убить, или из-за того, что предпочел бескровную победу. Эти вопросы сейчас кажутся очень важными.

– Доктор Любоб, – сказал Лепеннон, – насколько эффективны эти методы по перенаправлению гнева? Они повсеместны?

– Среди взрослых – да. Так сообщают мои источники – и подтверждали мои личные наблюдения до позавчерашнего дня. Изнасилования, нападения, убийства – всего этого у них практически нет. Есть, конечно, несчастные случаи. И есть психопаты. Последние здесь в диковинку.

– И что они делают с опасными сумасшедшими?

– Изолируют. Буквально. На маленьких островах.

– Атшеане плотоядны, они охотятся на животных?

– Да, мясо – основной продукт питания.

– Чудесно. – Белая кожа Лепеннона побледнела еще сильнее от возбуждения. – Человеческое общество с действенным барьером против войн! Но какова цена, доктор Любоб?

– Не знаю, мистер Лепеннон. Наверное, перемены. Это статичное, стабильное, единообразное общество. У них нет истории. Они гармоничны, и им чужд прогресс. Можно сказать, что, подобно лесу, где они обитают, они достигли кульминационного состояния. Но это не значит, что они неспособны к адаптации.

– Господа, все это очень интересно, но только узким специалистам, и не касается дела, которое мы тут пытаемся прояснить...

– Нет, прошу меня простить, полковник Донг, но в этом может быть все дело. Да, доктор Любоб?

– Ну, мой вопрос – не проявляют ли они свою адаптивность прямо сейчас. Адаптируя свое поведение к нашему. К земной колонии. Четыре года они вели себя с нами так же, как ведут друг с другом. Несмотря на все внешние различия, они узнали в нас представителей того же вида – людей. Однако мы ответили не так, как положено отвечать представителям их вида. Мы проигнорировали их реакцию, права и обязательства их философии ненасилия. Мы убивали, насиловали, переселяли и поработали местных, уничтожали их сообщества и вырубали их леса. Ничего удивительного, если они решили, что мы не люди.

– А значит, нас можно убивать, как животных, да-да, – продолжил за него таукитец, наслаждаясь логикой; зато лицо Лепеннона теперь затвердело, как белый камень.

– Поработали? – переспросил он.

– Капитан Любоб делится личными мнениями и теориями, – вставил капитан Донг, – и я должен упомянуть, что считаю их некорректными и что мы не раз обсуждали эту тему в прошлом, хотя сейчас для этого не время и не место. Мы не держим рабов, сэр. Некоторые местные играют полезную роль в нашем сообществе. Во всех наших лагерях, кроме временных, наличествуют Добровольные автохтонные трудовые отряды. У нас очень мало людей для выполне-

ния поставленных задач, нам требуются рабочие руки, и мы пользуемся всем, чем можем, но на условиях, которые можно было бы назвать рабскими условиями? Ни в коем случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.